

Георги Оболдуев

Устойчивое неравновесие

Стихи 1923-1949

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK · 22
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

Георгий Оболдуев

У С Т О Й Ч И В О Е Н Е Р А В Н О В Е С Ь Е

Стихи 1923 - 1949

Составление и подготовка текста

А.Н. Терезина

1 9 7 9

Мünchen · Verlag Otto Sagner in Kommission

Georgij Nikolaevič Obolduev (1898-1954) ist ein russischer Lyriker unseres Jahrhunderts, von dem in der Sowjetunion anscheinend nur sieben Gedichte, davon ein einziges zu seinen Lebzeiten, veröffentlicht worden sind. Die "Kratkaja literaturnaja énciklopedija" (1968) widmet ihm einen Artikel, aber er findet sich sonst in keinem sowjetischen oder außersowjetischen literaturwissenschaftlichen Werk. Seine Gedichte kursieren im Samizdat, werden von ungenannten Freunden bewahrt, gerieten ins Ausland. Die für diese Reihe von einem Kenner getroffene Auswahl soll die Grundlage dafür bilden, daß Obolduev den ihm gebührenden Platz in der russischen Literatur erhält.

Dem Verein der Freunde und Förderer der Universität Köln danke ich für die finanzielle Unterstützung zur Vorbereitung dieser Erstedition, Frau Barbara Raulwing für die typographische Gestaltung.

W.K.

Z 76. 1431 (22)

Vorwort A.N.Terezin

Nachwort W. Kasack

Прошу всех читателей, которым известны какие-либо данные о жизни Оболдуева, сообщить об этом по адресу

Slavisches Institut der Universität zu Köln
Prof.Dr. Wolfgang Kasack

Als Manuskript vervielfältigt
Alle Rechte vorbehalten
ISBN 3 87690 153 7

Gesamtherstellung Walter Kleikamp · Köln

RC 12351

СУДЬБА ПОДПОЛЬНОЙ ПОЭЗИИ ГЕОРГИЯ ОБОЛДУЕВА

В 1968 году в 5-ом томе советской "Краткой Литературной Энциклопедии" появилась небольшая статья о Георгии Оболдуеве.

Случай этот, должно быть, заметили лишь десяток литераторов, интересующихся русской поэзией и ее историей. (Ибо, - скажем, забегая вперед, - поэт Оболдуев, текстуально, известен до сих пор лишь количеству людей, едва превышающих пол-дюжины; не меняют эту ситуацию опубликованные в советской прессе в 1967 - 1978 годах несколько малопоказательных стихотворений Оболдуева).

Было впечатление, что Георгий Оболдуев "чудом" затесался в ряды почетных советских литераторов (ибо речь идет о такой привилегированной энциклопедии, что попавшие туда живые советские литераторы, как правило, могут чувствовать себя в ранге "номенклатурных работников". Не проще обстоит дело и с советскими писателями-покойниками). Тем более удивительным было появление имени Оболдуева в столь почетной энциклопедии, что речь идет о поэте, напечатавшем, за всю свою долгую жизнь, только одно стихотворение.

М. Булгаков посмертно вошел в мировую литературу с "Мастером и Маргаритой"; однако, при жизни он был достаточно известен. В последнее десятилетие, на наших глазах, происходит великое "преображение" с творчеством А. Платонова: после появления "Чевенгура", "Шарманки", особенно "Котлована", есть основания предполагать, что в мировой литературе его имя станет наряду с именами Андрея Белого, Джойса, Кафки и Селина. И, опять-таки, о литературном значении А. Платонова, хотя и в очень слабой мере, десятка-три ценителей знали еще при его жизни. Двух этих писателей, в силу их прижизненной (хотя бы и в оговоренной нами мере) известности, можно определить в контексте советской литературы как полу-подпольных авторов.

Творения двух выдающихся "петербуржцев", Даниила Хармса и Александра Введенского, трагически ярко (и уже - классически) представляют собой ныне подлинную подпольную литературу советской (точнее, под-советской) эпохи.

Творчество их целиком зародилось, пресеклось и, даже пресекшись, осуществилось в настоящем подполье. Однако, даже в их случае возможны некоторые оговорки. Введенский и Хармс, в очень минимальной мере, заявили о характере своих поэтических исканий окольным путем - "классической" маскировкой под "детскую литературу" (трагическое "добывание куска хлеба", разумеется, также входит в горькую смесь этих полу-"детских" текстов). Два великих теперь это уже ясно обериута не были лишены и некоторой доли прижизненного признания. С ними успел войти в творческий контакт "петербургский Гельдерлин", таинственный Кон-

стантин Вагинов, создатель повестей о "несуществующем (как он выражался) человеке", автор странных стихов, где "моцартовский" мелос, очаровывая читателя, достигает такой самостоятельности, что становится незаметным слово, этот исконный "матерьял" поэзии, и даже "звуковая оболочка" слов. Дружески раскрывалось Хармсу и Введенскому "патриаршьё" величие Казимира Малевича (его прямое влияние на обериутов должно стать, со временем, предметом специального исследования), пронизательнейшим читателем их текстов был выдающийся искусствовед Н.И. Харджиев (известный тогда лишь немногим деятелям русской культуры). И, главное, обериутам удалось даже опубликовать, в 1928 году, свой манифест (правда, обративший внимание лишь небольшой группы, сочувствующих и не сыгравший актуальной роли в литературе) и около десятка показательных для их направления стихотворений.

Судьба поэтического творчества Георгия Оболдуева беспрецедентна, оно возникло и осуществилось при полной неизвестности, в глубоком литературном подполье и, посмертно, еще четверть века остается практически никому неизвестным.

(Здесь, кстати и в скобках, заметим, что один из представителей "третьей волны" русской эмиграции, левый художник, недавно заявил, что в сентиментальный период "оттепели" зародилась в Москве "катакомбная культура". Целью и заслугой этой культуры, по словам художника, было установление связей с представителями партийной элиты, проникновение левых художников в высшие сферы "работодателей", что, по словам художника, им успешно удавалось.

Мы же говорим здесь о подпольном искусстве, подчеркивая, что оно составляет полувековой период в истории русской культуры, заметив, при этом, что "условиями" его существования могли быть лишь смертельный риск и строжайшая конспиративность, а не рытье сообщающихся ходов для связи - с кем? - с партийно-комсомольской и прочей "элитой"! Считаю необходимым добавить к этому, что никакие периоды "оттепели" не отменяли существование и дальнейшее развитие русского подпольного искусства, подпольной литературы).

Вернемся к статье о поэте в "Краткой Литературной Энциклопедии". "Оболдуев Георгий Николаевич, - говорится в ней, - родился 19 мая 1898 в Москве, умер 27 августа 1954 в Голицыно Московской области, Окончил Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова (1924)... В 1933 - 1939 был незаконно репрессирован. Участник Великой Отечественной войны... Опубликована лишь небольшая часть (с этой "небольшой частью" можно ознакомиться в библиографии к данному изданию - А.Т.) наследия О. (основная часть хранится в ЦГАЛИ и в семье поэта). В послевоенные годы О. переводил стихи Г. Обашидзе, И. Гришавили (далее, после нескольких серых поэтических имен, упоминаются переведен-

ные Г. Оболдуевым стихи и поэма "Гражина" А. Мицкевича, "Всеобщая песнь Чили" П. Неруды - А.Т.)".

Пока, очень мало известно нам о Г. Оболдуеве и из других, устных источников.

Некоторые столичные интеллигенты, полу-подпольные представители русской культурной "элиты", изредка встречали Г. Оболдуева в послевоенные годы в нескольких московских домах, где бедно и осторожно мерцало некое подобие "салоннов". Среди них были люди, лично знавшие Мандельштама, Хармса и Введенского, помнившие наизусть неопубликованные стихи этих поэтов. И они почти ничего не знали (и до сих пор ничего не знают) о поэтическом творчестве Оболдуева. Георгий Оболдуев, после шести лет лагерей и ссылок (по слухам, он арестовывался несколько раз), жил в поселке Голицыно, в часе езды от столицы. "В Москву он приезжал очень редко и, можно сказать, почти что тайно, - рассказывал один литератор, встречавшийся с Оболдуевым, - стихов нигде и никогда не читал, помню только один случай, - ночью, на улице, - вдруг, среди разговора, неожиданно зажегся и прочел несколько вещей". "Станный он был, - в его молчаливом состоянии было что-то такое, активно скептическое", - вспоминают другие. И все помнящие его сходятся на одном - на незабываемом впечатлении о блестящей образованности и изысканной артистичности Оболдуева. Нигде не читавший стихов (этого у него, впрочем, почти нигде не просили), поэт охотно садился за рояль (этого как раз очень просили), - все, знавшие Оболдуева, помнят его высоко-профессиональную, блестящую игру (до поступления в Высший литературно-художественный институт им. В.Я. Брюсова, Оболдуев несколько лет, частным образом, обучался фортепьянной игре). Стихи Г. Оболдуева, посвященные любимому его композитору Сергею Прокофьеву, свидетельствуют и о "профессиональной подоплеке" их дружбы, и о короткости их отношений (это подтверждается и в устных воспоминаниях о поэте). Помнящие его рассказывают и о встречах Оболдуева с молодым Святославом Рихтером, об их игре в четыре руки... Для тех немногих интеллигентов, которые встречались со странным поэтом-музыкантом в грустно спянных московских "кружках" конца 40-х, начала 50-х годов, было бы приятным сюрпризом узнать, что и блестящая образованность Георгия Оболдуева, и его дендизм, и его редкостная музыкальность нашли свое непреходящее воплощение в его ранней поэзии - дерзкой, насмешливо-"деловитой", изысканно-саркастической (напоминающей "Сарказмы" С. Прокофьева).

В машинописном двухтомном собрании стихов, составленных самим поэтом в последние годы жизни (второй том датирован 1950 годом), самые ранние тексты относятся к 1923 году. Это год, когда в России сложилась литературная "школа"

конструктивизма во главе с А. Чичериным и И. Сельвинским (вскоре подлинный создатель подлинно-литературного конструктивизма А. Чичерин вынужден будет покинуть ЛЦК - Литературный Центр Конструктивистов; Сельвинский и "теоретик конструктивизма" К. Зелинский, мародерски пропагандируя некоторые положения из поэтики Чичерина, будут неудержимо рваться к политической за-ангажированности, уверенные, что именно им будет обеспечено полное доминирование в литературе). За год до этого, в разрозненных клочках тумана, оставшегося после распада могучего футуризма (где-то над этим - жалобный голос иволги-"будет-лянства", - но нет, уже не слышно), в остаточных нечистых парах появляется "функциональный", "документальный", скучно-ангажирующийся литературный обротень - "Леф".

В ранней поэзии Оболдуева есть некоторые следы этого примечательного времени. Они, скорее, отрицательного порядка. Начни он раньше, ровно десять лет назад, - он был бы, пожалуй, с "московским" футуризмом (немаловажное значение имело бы тут и то обстоятельство, что это - "свои", "московские"; позже, "в ней, в Ленинграде" он будет говорить о чуждом ему петербургском "благоухании"; он не любит Ахматову, а одно из последних своих стихотворений посвящает Марине Цветаевой). Молодой Оболдуев лишь иронически отталкивается от "лефовских" приемов "документальной информации" (надо сказать, что это придает особую терпкость его дендизму, о котором речь будет ниже), - скептический ко всякой ангажированности, он вводит эти приемы в поэзию стоического индивидуализма ("служебно-общественные" приемы как "лефовцев", так и конструктивистов саркастически преображаются им в "приемы" описания своего психо-физиологического состояния, а чаще - природы, - "это единственное, что мне не изменит", - мог бы сказать ироничный Оболдуев по этому поводу словами Маяковского; что еще ему "не изменит"? - ну, конечно же, музыка! - пожалуй, во всей мировой поэзии нет образцов такого проникновения в "технологический" процесс музыки, как в его поэзии, - даже у Пастернака, любимого Оболдуевым, мы находим лишь имитационное описание музыкальной "техники").

Конструктивизм, заявивший о себе в год вступления Оболдуева в литературу, естественно, ему ближе. Однако, нет нужды в сближении его с этой литературной школой вплоть до включения его в "лоно" конструктивизма. Также, как и в случае с лефовой поэтикой, мы находим в поэзии Оболдуева лишь следы оттолкования его от чуждого ему по духу конструктивизма. Ему близка конструктивистская "грузификация слова", чичеринское понимание "материала, способного в максимальной, непрерывной сжимаемости впитать всю нагружаемую потребность и предстать в кратчайшей обозреваемости в значащем виде". Однако, он явно от-

вергает конструктивистский "локальный прием" - "построение темы из ее основного смыслового состава" и "систему максимальной эксплуатации темы", - Оболдуев принципиально эклектичен в теме, в ее развитии, - ибо его "рационалистическая целесообразность" - в сохранении своей неконтролируемой обособленности, трезвого взгляда на мир, теряющий свои очертания в ложном, внеисторическом общественном иллюзионизме, в социальном инфантилизме, - одинокий этот взгляд ошупывает и проявляет в окружающем мире то немногое, чем еще может жить человек, сохраняя в себе инстинкт культуры.

И это, действительно, - весьма немногое. Кем-то было сказано, что подпольное искусство не может творить новую культуру, оно лишь обороняется, единственная его возможность - духовное сопротивление. Обернуты Хармс и Введенский, в этом сопротивлении, раскрывают абсурдность наступающего на них "нового мира", они "кромсают" эту абсурдность, и сквозь провалы, образовавшиеся вследствие опасных операций над абсурдом, веет на них то грозное, что можно назвать метафизическими "силами". В сравнении с ними, москвич Оболдуев кажется "классическим" мыслителем, представителем некоей школы нео-кинников (здесь мы говорим о раннем периоде его творчества).

Упомянутое двухтомное машинописное собрание Оболдуева (как нам сообщили, к ним, третьим томом, примыкает большой роман в стихах "Я видел") открывается разделом из стихотворений 1930 - 1935 гг. Очевидна причина авторской привязанности к ним, - это был период наибольшего расцвета поэтического творчества Оболдуева. Насколько нам известно, живая радость творческого общения все же была дана, на короткий срок, и Георгию Оболдуеву. В эти годы он оказал влияние на гениально одаренного (на наш взгляд) Леонида Лаврова (1906 - 1943), которое заметно в сборнике поэм Лаврова "Золотое сечение" (1933), особенно в одноименной поэме, включенной в книгу, - восприятие мира доходит в этой поэме порой до "галлюцинативности", возможно, более утонченной, чем в стихах "Сестра моя - жизнь" Пастернака. По слухам, психически больной Л. Лавров вынужден был выступить свидетелем на судебной расправе над его друзьями - молодыми литераторами. "Платой" за это явилась известная "внутренняя" рецензия А. Фадеева на его книгу "Лето", представленную в издательство в 1941 году (см. в книге А. Фадеева "За тридцать лет", М. 1959, стр. 809). Сборник не был опубликован. Потрясенный всем происшедшим, Л. Лавров окончательно потерял рассудок, прожив еще три года в душевной тьме, более страшной, чем "батушковская" тьма. Большая дружба связывала Оболдуева с поэтом Иваном Пулькиным (1903 - 1941), погибшим на фронте, основные произведения которого до сих пор остаются неизвестными.

В последних стихах Оболдуева доходит до нас глухой голос подлинного стоика, в котором нет даже "сенековской" утешительности "на пределе". Здесь уместно сравнить последние стихи Оболдуева с последними стихами Мандельштама, - отчаяние Мандельштама жизненно и импульсивно, благодаря героическим внутренним порывам; безжизненно-мертвое отчаяние Оболдуева, в своей тусклости, возможно, страшнее и трагичнее.

При обозначенном нами различии, Г. Оболдуева объединяет с обериутами ряд специфических черт, характерных для подпольного искусства, подпольной литературы. Прежде всего, это ярко выраженная асоциальность (что не исключает, например, у Оболдуева острого видения действия социально-политических механизмов режима в их незамаскированном, а подлинном проявлении). Артистизм у Оболдуева и эстетизм у обериутов переходит в дендизм (при этом, несомненно, никакого влияния на них не могла оказать теория дендизма Бодлера). Это не разрешение вопроса о "поэте и черни". Полная победа антикультуры столь сокрушительна, что редкие выжившие носители культуры могут находить ее лишь в собственном индивидуализме, даже в роковой исключительности своего дара, не нужного обществу. Закрытость и суженность жизни привносит в подпольное искусство еще один свой "дар" - повышенную "процентность" эротических мотивов в творчестве. И что веет над всем этим? - дух неминуемой безвестной гибели. Голоса обериутов пресекаются на самой высокой, как говорят, "ноте". (В тюрьме, запертой на замки и брошенной в осажденном Ленинграде, вряд ли Ог кричал последнее у обериутов, а крик - должен был быть!). Георгий Оболдуев выживает. После тюрем, лагерей и ссылок. После раны на фронте. Верный своему историческому чутью, культуре, он имел "право выбора сквозных тем в нашей целостности дырявой". В 1932 году, заметив смятение Пастернака периода "Волн", он упрекнул его, любимейшего из русских поэтов: "Пастернак потерял тему. Паллиативом "пятiletок", "революционных воль" и "генеральных планов" не заполнить этой пустоты". О какой теме упорно говорит Георгий Оболдуев? Думаем, что это - тема сохранения человеческого, гражданского и артистического достоинства перед лицом всемогущего тоталитаризма, победившей антикультуры, антиисторизма, перед обществом, превратившемся в угаре "энтузиазмов", незаметно для самого себя, в аморфное мещанство без рода и без племени. Эту тему Георгий Оболдуев пронесит через всю свою жизнь, с вынужденными перерывами (естественно, нет стихов "лагерного периода", "военные" стихи он начинает писать только после войны). В последних его стихах, о которых мы уже упоминали, есть нечто, что страшнее отчаяния. Это как бы - еще "при жизни" - загробный голос. Прорывая какой-то не-

человеческой, тихой и тусклой силой окружающее его до сих пор безмолвие, доходит до нас теперь этот голос: "Могёшь ли ты? Могу, могу Сиреной выть в ночи "угу-у!" Голос одного из крупнейших русских поэтов.

*

При составлении данного сборника мы пользовались, в основном, первым томом из машинописного двухтомного собрания стихов, составленного Г. Оболдуевым в последние годы жизни. К сожалению, экземпляр, имеющийся у нас, представляет собой позднейшую непроверенную перепечатку. Этот неозаглавленный том, содержащий 340 страниц, состоит из стихов 1923 - 1935 (стихи напечатаны "сплошным текстом", т.е. без разделения отдельных стихотворений на отдельные страницы). Внимательное ознакомление с ним показывает, что состав и расположение произведений тщательно продуманы. Книга начинается со стихотворений 1930 - 1935, выделенных в особый, не озаглавленный автором раздел. Второй раздел (он также не озаглавлен автором), составленный в основном из стихов 1923 - 1929, содержит несколько стихотворений 1930 - 1934, - завершение ими второго раздела, создающее "контрапунктный" резонанс с предыдущим, кажется своеобразным, внутренне оправданным приемом. При выборе текстов для данного издания и при расположении их, мы решили ориентироваться на очередность этих разделов как на явно выраженную волю автора. Названия их (как и третьего раздела) даны нами.

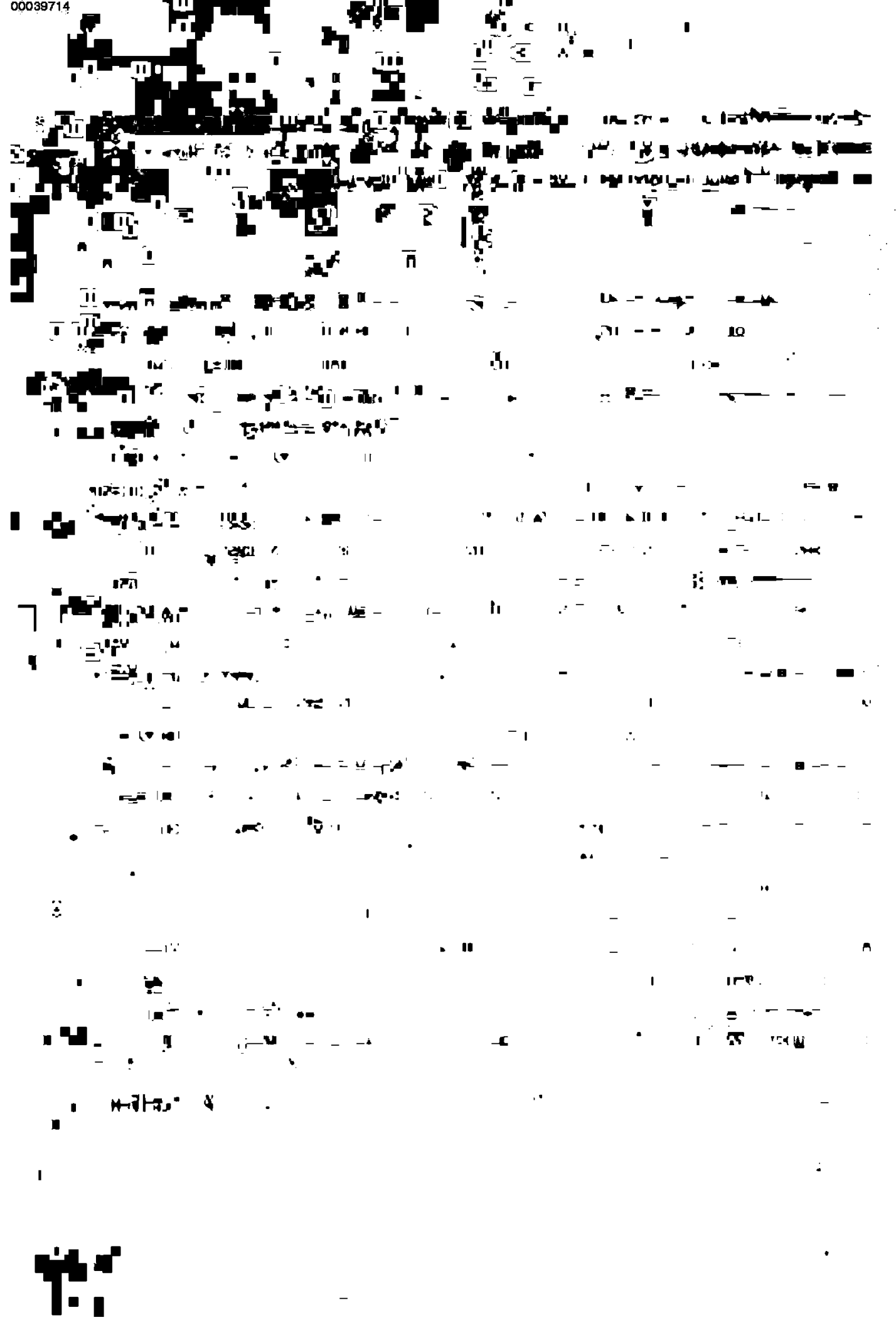
Из второго машинописного тома в нашем распоряжении была лишь небольшая подборка в позднейшей перепечатке. Нам удалось установить, что этот том, названный автором "Устойчивое неравновесье" и датированный 1950 годом, содержит около 200 страниц и включает стихи 1938, 1940, 1946 - 1950.

Примечания, приведенные под стихами, принадлежат автору.

Даты под большими циклами "Людское обозрение", "Поэтическое обозрение", "Мысли до ветру", писавшиеся длительное время, указывают лишь дни их завершения. (Например, в конце цикла "Людское обозрение" имеется примечание автора: "Переписывалось и отдалось 24 УІ 30". Под другой известной нам перепечаткой цикла "Живописное обозрение" дана более общая дата: "Март 1927").

Париж, апрель 1979

А. Терезин

Л Ю Д С К О Е О Б О З Р Е Н И Е

/Стихи 1930 - 1935/

ЛЮДСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

§§ 1,2,3,4.

Радуйтесь, хоть и не долго вам жить,
Милейшие люди,
Дорогие мои товарищи
По жизни и смерти.

В этом до звезд налитом мире 5
Следует во все как можно шире:
Внюхаться по сон,
вглядеться по аберрацию,
Вслушаться по сердце,
Вдуматься по память, 10
Вжиться по уши.

Тем более, что перечисленное
Столь же безобидно
И заразительно,
Сколь дышать. 15
"Откуда видно"...
...Это прямо поразительно!...
"... Что и требовалось доказать".

§§ 1,2,3,4.

"Я, де, мол, старательно расчерчу,
Что ты тут передо мной ни развесь". 20
Развешиваю. Подавись. Чересчур
Окно, чересчур небо, чересчур здесь,

Чересчур пригоршней
Света оттопырен рельеф;
Глазами выкрашенный выброшен 25
Человек каких-то лет.

Тихо идет, голову опустив,
 Руки в боки,
 Точно мир акустический -
 Безукоризнен, темой глубок.

Уравновешенная сложность 5
 Откровенна, будто вопит,
 Что на нее открывается
 Всевозможнейший вид.

Наскакивает на тень,
 Отставшую от девицы 10
 Вывихнутым крылом
 Подстреленной птицы.

Свежо упирается подошвой
 В живое оперенье земли,
 В день до чрезмерности хороший, 15
 Присутствующий наподобье семьи.

Гораздо проще
 И сложнее в сто раз
 Нечто вроде рожи
 Распределяет контраст. 20

Следовательно, тут
 Колтун орешника над травой,
 Копотью мошкары цветут
 Запахи, гудящие над головой

Того, кто только что пройдя 25
 Поломал безмолвную ветку,
 Травинку покусал; а немного погода,
 Еще набуйствует, как спокон веку.

§§ 1,2,3,4.

Мы не из той породы, что склонна
Сахарить губы любимому;
Не к чему нам на земле зеленой
Индивидуализировать нелюдимость;
Да и пристало ль нам экономить
До крови вкуснейшие губки,
Вспоминать, забывать или помнить
Чьи бы то ни было поступки?
Нет, нам этого не пристало.

5

Зато видим, что оправляется удивленная трава,
Что по промятому следу
Еще животные следуют,
Что облысевшей землей льется тропа.

10

§§ 1,2,3,4.

Рабочий, интеллигент, крестьянин,
Мужского и женского рода,
С индифферентными придатками семей и детьми;
Всякое вокруг удобное расстояние
И елико возможная погода
Вот каким представляется нужным
Видеть мир.

15

20

Рабочий, крестьянин, служащий, ученый, творец,
Движеньем тела иль мысли излагающий сознание,
Мир вами растормошен вконец,
Вы, так сказать, его знамя.

Зубная и прочие щетка, гребенка, мыло, вода,
Зеркало, бритва, пудра, помада, духи,
Шапка, фуражка, картуз, шляпа, шляпка, платок,
Шуба, куртка, пальто, доха, тулуп, непромокашка,

25

§ 7.

Она живет на доходы мужа.
Обед посвистывает на примусе.
Повечерело настолько, что ужас
Проступает на ней без примеси:

Вот-вот небрежно и резко 5
Навернется так называемый деспот
И, вздуваясь как нетрезвое тесто,
зачнет ежедневное побрезгиванье:

Но есть любовник молодой.
Завтра проводит с рынка. 10
Ощипет как курицу. Холодком
Потрагивается женская спинка.

§ 8.

Добела раздувая небеса,
Солнце валит пресную силу
В вылупленные глаза летнего дня. 15

На экваторе нашей долготы
Все б сейчас попало,
Кабы не - /как руку в жидкий чугун/ -
Люмь испарений.

А у нас в РСФСР знаменито: 20
Полным полно красоты.
В волненьи застывший океан гектаров
Перетрагивается ветерком:
Зелен да хорош, хоть навсегда.

Ласкова да длинна, что текучий взгляд, 25
Речка бросается из-за поворотов,
Из-за загнутых ресниц бережков,
Хоронящих тихого мужичка,
Который которого видит издалека.

Корова хлыстом хвоста
 Слепня под брюхом не доставая
 Блаженно разбирает коленкой
 Свежую заросль озерка;
 Спокойно несет 5
 Природой и быком наставленные рога.

Тарантас равнодушно тренькает
 В своих неудобных объятьях
 Окаменелого седока и
 Владельца выезда, подающего признаки жизни. 10

Плавучий индюк раздувает грязную палитру
 С выдавленными тюбиками хамелеонной краски
 В генитальных подробностях головы.
 Вот у заваленки, легко просматривая пташек,
 Сладострастно подрожал хвостом. 15
 Розовый, облупленный старик
 Что-то соображает беззубым ртом.
 Распетушившаяся курица описывает букву "с",
 Имитируя бунт супружеской обязанности.
 Старуха шамкает глазами ветерок,
 Несущий во вздохе вольные благовонья и жилые вонючки.
 Собака смеется, потягивается,
 На локтях волочит живот по прохладной землице.
 Ребенок важно прет младенца:
 Галдит и гадит непосильный груз. 25
 На медленной глазам поляне,
 Где гниют предков гробы,
 С косою пляшут поселяне.

Пехота женщин, как серпы,
 Сбирает белые грибы. 30
 Балансом взаимных желаний
 Из животов, покорных мужу,
 Робята просятся наружу,
 Чтоб быть на первом плане.

§ 9.

Опять подстрочным примечаньем
 Вытягиваются губы ночи
 На розовое тело с очами,
 Сквозь розовые очки. Очень
 Очаровательные полотна, 5
 Писанные в моих странах,
 Предлагаются беззаботно
 Г. Руссо да Л. Кранахом.
 Братцы, с большим удовольствием
 Подставляю лысеющую память 10
 Под ваши светотени. Вам ведь
 Считается с солнцем толстым:
 Мне тож. Когда испареньем
 Подымается легкая земля,
 У меня возобновляется 15
 Мысль, что мы не стареем.

§ 10.

Конь волочит машинку для стрижки лугов:
 Плавно ползет,
 Перепархивая с места не место,
 Большое, изящное насекомое 20
 Из породы неземных.
 У трав подкашиваются ноги;
 Не зудится рука;
 Не размахивается плечо.

§ 11.

Что качаешь, цветок, 25
 Бледной головой:
 Ведь на этом свете
 Мы живем с тобой.

От луны лимонной
 На моем лице
 Затекает сонный
 Взор забитый в цель.

На седое ухо 5
 Выпала роса.
 Наклонись, понюхай
 Прежние глаза.

Убедись воочью,
 Жадная трава, 10
 Как сегодня ночью
 Ты меня сорвал.

Вижу, улыбается
 Маленький цветок
 И вежливо наклоняется 15
 С запада на восток.

§ 12.

Утро весеннее вспыхивает
 Глубокой бенгальской водой.
 Летний день запикивает
 Под солнце облака с травой, 20

Осенний вечер сопит,
 Опорожня поднебесье.
 Зимняя ночь имеет вид
 Лунного события в пьесе.

§ 13.

Распилен лес 25
 Тропинками, проходимыми и нет.
 Расколот на деревья, кусты,
 Мхи, грибы, сучья,

Прошлогодние листвы,
 Куски небес,
 Гомоны птиц - невидимок,
 Ответы ветру тресками и визгами дерев,
 Безмолвные речи ручья.

5

§ 14.

Точно речка в море,
 Я в тебя вошел - впал.
 Сначала пресен и мал;
 Но с каждым шагом глубже
 Просачиваюсь сквозь тебя;

10

§ 15.

Мимо речки, стянутой к затылку
 Нырнянем и полотенцем,
 Оглядывается, по боку с младенцем,
 Зажиточная кобылка.

15

§ 16.

Станция, вокзал, полустанок, разъезд.
 Мальчишечья рогатка,
 Заряженная поездом,
 Натянутая до отказа
 Паденьем отъездных секунд;
 Где замирается боязно;
 Откуда - в память:
 Полосатая мякоть
 Мягких купе,
 Твердая махра
 Крашеного дерева,

20

25

Да двери, двери, двери во
 Все стороны:
 С красных заломов,
 С хвойной зелени,
 С пыльной паленой желтизны, 5
 С редкого синего зелья.

§ 17.

Поза, принятая с прощанья
 И забытая под раздумьем,
 Дает себя знать и меняется
 От зачесавшейся, выступившей 10
 - "Разлуки - ты - разлуки".

§ 18.

В матрасном избытке
 Потенциального отдыха
 От жужжанья наружи -
 Покой, будто в ампуле гомункул 15
 В текущей быстроте окрестностей;
 Будто дрожащая светотень, как студень,
 Наполняет нутро вагона,
 Дерется косяками спальных полок,
 Треплет глаза полыханьем свечи. 20

Кислый перегар угля
 Подчеркивается крутым яйцом
 Прожорливого соседа.
 Исподволь друг друга оскорбляя,
 Осторожно снюхиваются ездоки, 25
 Еще неуравновешенные, как лебеди
 Пóсуху, как мухи в молоке.
 Внезапная симпатия меняет припасы
 На "откуда - куда - едете",
 Вспыхивают папиросы и откровенности, 30
 Исповедами бьющие через край:

§ 19.

Потягиваются, давая осечки,
 Трубы отопленья.
 Природа берет свое,
 Распахивая мохнатым дуновеньем полотенца
 Щекотные струи 5
 Мыла и уборной.

§ 20.

Храня величественно,
 Застыл байбак.
 Встречной милочки личико
 Водит лапкой байковой. 10
 "Какая вы", "Какой вы", "вы" -
 Вбтмашь с ног до головы,
 Сердце наголо, нагольб:
 Гуд-бай-баю... баюшки: - рассвело.

§ 21.

Дальше, больше, дольше, крепче 15
 Натягиваются нервы воспоминаний,
 Где чище, глубже вознесена не
 Разлука, а память о встрече.

§ 22.

Нежный сигнал мокрого рожка
 Выгоняет вагоны со станций 20
 На товарные поля,
 Рельсовые паутины,
 Что расцветают лакомыми огоньками:
 Грушевый, апельсиновый, лимонный,
 Черносмородиночный, мятный, малиновый. 25

§ 23.

Еще нагибаются ветви,
 Заглядывая в окна;
 Еще машут знакомые шкурки деревьев;
 Но пыльным сияньем зарева
 Пышет существование города: 5
 Стрекохут по глазам
 Пулеметные ленты фонарей;
 Пока еще как деталь,
 Уж доводящая сознание до абсурда,
 Ручной, неистовый, детский 10
 Тявкает в пригороде трамвай.
 Последнее ощущение тормоза,
 Внимательное ожидание приемщицы.
 Выстуканная и выслушанная ротация
 Послушно и самостоятельно отдувается, 15
 Выпивая с рулона непрерывный водопадик бумаги.

Повышена фабрика на этаж и октаву
 Женским гомоном голосов
 В брошюровочной и переплетной.
 Средь плотного дыхания клея, 20
 Средь бумажных завалов
 Потайные гильотины резальных станков
 Окунаются, как в сливочные масла,
 В каменные пласты бумаги.
 "Фальцевалки" всеми струнами фибр берегут лист,
 Внезапно отмечая его нитяными укусами.
 "Тачалки" звонками собачонками огрызаются,
 Источая струю проволочного яда.

Стереотипная - чортова кухня - блистает, -
 - Средь инквизиционных дыбов, прессов, 30
 Ухватов, кочерег и деревянных молотков, -
 Слитками и стружками матерьяла.
 Металлические операционные столы с телами
 Захлороформированных форм набора.

Под нависшими прокопченными кáпорами
 Плиты с котлами плавн.
 Слоеная маца матриц
 Близ плоской и выгнутой тяжести стереотипов.
 Мозги слипаются и глаза теряют память 5
 В зеленой корректорской заводи.
 Когда шуршит бумажная тишина
 Бесчисленными толпами букв, -
 Безмолвно гудит механизированная голова
 Концепциями высокого напряженья и внутреннего сгорания.

Метранпаж намечает порции оригинала:
 На лнотип - горячие сгустки строк
 Налить из тупого и педантичного автомата;
 На типбграф - выдоить такие же строки
 Из вежливого головастого уродца: 15
 Поклонился, и прядьбю спадают
 Струны волос, чуть не до полу;
 На монотип - в грохоте разрывных капель букв
 Закончить изящный двойной процесс;
 На ручной - на высокую сознательность 20
 Квалифицированной рабочей силы,
 Чтоб чистейшим был сложнейший набор;
 Заголовки, титула, обложки -
 В переплетный, на мелочб;
 Верстальщикам портянки надорванных гранок. 25
 Тискальщик равномерно занимается физкультурой.
 Посасывает скрежет и чавканье машин.
 Густо благоухает чад гарта и краски.
 В тупом, головном, металлическом испареньи матерьяла
 Наборная - на полном ходу. 30

§ 26.

Осенний вечер шипит, как содовый
 Напиток, нашлепывается, бухнет,
 Валит недоброкачественной кухней
 Распахнутого жилья,
 Хлюпает взмокшей обувью. 35

Истечение осени отвратительно
 Длится, кашлем шевеля
 Внутренность каждого жителя.

§ 27.

Житель города - морской:
 От слов "мор" и "mors".

5

§ 28.

Хлев наш насущный!

Начинаясь "а", "б",

Азбука горожан

Продолжается... ортами, презервативами,

Тэбэцами, холузсами, раз-два-трипперами, 10

- Импотентами, лезбабами, педераками, -

- Чтоб кончиться законным наследством

Преждевременной смерти.

§ 29.

Сто голов

- С больных да на здоровую - 15

Один ум.

Симпатичный шантретик,

Глаза вы карие, медный лоб.

Втянуты наливные щечки,

Губки бантиком, до ушей, 20

Того гляди лопнет, сломится

Тоненькая, воловья шейка;

Очень косая сажень в узких плечах,

Впалая грудь колесом,

Антоновками набухли дряблые мошонки грудей; 25

Возьми руку как спичка, загребущую,

С могучих бедер узкого таза,

С эластичного живота,

Повисшего над курчавой плесенью паха:

Не вишь рáзи, что не в свою тарелку,
А в баленство matka выпадает.

§ 30.

Простуженная всеми студнями,
Бездетная детоубийца,
На старости лет, при смерти, 5
Слышит из пятого своего этажа,
Как на улице стройный хор
Не по людский проросших абортвецов
Нетутошним баритоном вопит:
"Ма-м-ма!" 10
"А кто, спросите, были их мамаша?"
Вот суккина... "Да вы, чего лаетесь?
Конечно, дело прошлое, не монашка"...
Вот и прославитесь.

§ 31.

При нашем скученном жилье, 15
Да при занятом времени
Недосуг нам романиться:
Особенно по зимам,
В особенности с девушками,
С коими от знакомства до поцелуя 20
Месяцев нá шесть времени,
Верст на триста пеших гулянок,
Пьес на десять разговору:
- Экой нерациональный расход.

§ 32.

Косоглазенькая лапочка. 25
Смазливенькая сметанка.
Интимная пупочка.
Яблочная родинка.
От каждого поступочка

Как жидовочка. Как уродинка.
 Как вся тут без останка.
 Латышка - подмышка.
 Хохотушка. Кацапочка.

§ 33.

Он длился: 5
 Этот ночь, день, утро, вечер, вечность, закат;
 Простирал свое состоянье
 На каравой дремучего неба.
 Играет наша природа
 В эдакой тонкости темпа: 10
 От разлагающейся гнойкоты,
 От маринованной голубизны,
 От боли, длинно прижатой
 Отрицательным звучаньем пауз.

§ 34.

Никогда этого не слыхано, чтоб ты 15
 / - Чтоб я изныл! - /,
 Как и другие дивчаты,
 Чуя, что я чуть не задыхаюсь
 Желаньем задохнуться в твоих губах,
 - Чтоб ты: - 20
 Не позвонила по телефону:
 Не в службу
 /4-75-86/
 Так в дружбу
 /5-94-57/. 25

§ 35.

Уж слышу: Свистящее тремоло
 Предутренней сварки трамвайных рельсов,
 Да холостую трель
 Проверки милицейского поста.
 Уж вижу: как жидкая темнота, 30

От верхушек деревьев поотстав,
 Продирает взор,
 Чуть перекосив
 Чуть не ту ж краюху вечера.

§ 36.

Он мало понимал, и жил, 5
 Не подымая век,
 Когда его остановил
 Любимый человек.
 Ее потом забыл, а ласковость
 Запомнилась им навек, 10
 И было чем прополаскивать
 Пустой от сна ночлег.
 Любимицы растаят пуще,
 Чем прошлогодний снег.

§ 37.

Так пусть же: 15

§ 38.

Разнесло рассветное небо
 Плавным дыханьем цвета.

Без мифологических выдумок
 И я - просто-напросто -
 Дышу навстречу. 20

6 мая, 24 июня 1930.

УРАВНЕНИЕ С ДВУМЯ ИЗВЕСТНЫМИ

- Мы с тобой ровесники.
 Дыханьями деремся
 Чуть не за один и тот же воздух.
 Друг у друга мысли вырываем.
 Подставляем память один другому. 5
 Нет нам на земле разлуки,
 Как не было свиданья до таких-то
 Апрель, октябрей, июней,
 Лет: девятисотых, десятых, двадцатых.
- Мало нам простору, 10
 Свет, час, день, жизнь коротка:
 Так ночь, так вот уж как велика
 От очей, снов, дум, разговору.
- Не потому, что ты свежа,
 Что я тебя, что мы с тобой: 15
 Все это пустяки, пожа-
 Луйста не хвастайся судьбой, -
- Тебе катаю. Посмотри:
 От этой ломовой езды,
 Как пб небу пучок звезды 20
 Дрожит любовь моя внутри.
 Но, заливаясь в виде гимна,
 Качаемся туды-сюды.
- Но заключение анонимно:
 Не пей сырой воды, 25
 Не пой мне песни лебединой,
 Все одно не поверю и единой.
- А "между прочем" есть аптека
 Для нужды взрослого человека
 Первой половины XX века. 30

И все-таки мы с тобой два мира,
С которых по нитке -
Друг другу рубаха.

2 июня 1930

ВНУТРЕННОСТИ. 1.

Да. Так все это распределилось.

Именно так повторил бы сначала
Время, по которому нырял Наутилус
/Оно к чертовой матери умчалось/;

Годы, из которых всяческие тополя 5
Налезли в повышенного типа ноздри
/От этих, хоть и не осталось ни пилля,
Все ж присутствуют, будто козыри/;

Месяцы, которые, собственно, не мои:
Принадлежат любимым: пусть скажут, 10
Каково ими память поить;
Им рад я и день ото дня раже.

Недели, дни, часы, минуты, мгновенья,
Что присутствуете во мне всегда, безвременно,
Только с вами всего откровенней 15
Приходится разговаривать: без термина, -
- Чтоб расклассифицировать эпизоды,
Без формулы, - чтоб укомплектовать события, -
- Только волной, перехлеснувшей годы,
Качающей, что никогда да и не к чему забыть: 20

Сейчас гребень бросил меня в окно
Шестого этажа типографии "Красный пролетарий",
Откуда глаза мои пролетали
По большому, мужественному дыму,
Что валит от багровой полосы 25
Прищемленного румянца,
Поздним часом возведенного
В ранний час рассвета.

24 июня 1930

ОБЫЧНОЕ ПРАВО

Опять теплой ладошкой лип
 Поглажен каждый вздох.
 Опять мы с тобой вошли
 Под сень заплеванных цветиками листов.

Опять пропитаны, окунуты 5
 В откровенную глубь аромата,
 Антураж рецидива юности
 В полном спокойствии сохраняем.

Слышишь темные головы лошадок,
 Приподнятые на летний восток. 10
 Видишь трав беспорядок,
 Любовно закрученный в стог.

Вывожу тебя из-под липы. -
 Не зубоскалим. Идем - молчим.
 Жилища запах сиплый 15
 Прорывают липовые лучи.

Обновляя интимной негой
 Засиженный искренний уют,
 Из черной зелени - кремовые кулачки в небо: -
 Нежной - намежной поволокой по миру плывут. 20

6 июля 1930

ВНУТРЕННОСТИ. 2.

Горячим солнцем выдоена
Озера глубина.

Эта краса, невиданная
На все времена,
В воде выведенным 5
Удвоенным облаком
- От ветра, повидимому, -
Кивается, облакачивается.

От ветра /водорослей запах?/
Голова кру́гом /по воде кручй?/ 10
В медленных тела взмахах
На воде, что лижет других.
Выворачиваюсь, впиваюсь в воду.
Озеро пробует меня: важно.

Поглаживает рябым взглядом, 15
Опускает нежное дно.
Я распластан, как горизонт.
Над идеальным уровнем воды
Огромная двухвершковая буря
Весь мой мир заливает. 20

Тесно мне похлестывать берега
Кожицей своих волн;
Невкусно мне умыть стадо,
Забредшее в сероглазую мою воду.
Испарюсь, брошусь в небо, 25
Выплеснусь на берег!

На солнышко вылезает обмылком
Полное собранье меня:
Без переплета, в нескольких частях,
Выкупанное. 30

3 августа 1930

КАНТАТА

/Иллюстрация к "Мыслям до ветру"/

Расхаживаю, разъезжаю, людей показываю, себя смотрю. Каждый встречный-поперечный - Продукт законченный и беспечный Любовного акта Как-то:	5
От одного названья, По милому имени, В нежном словечке, За одно названьице "пеночка", Что выпорхнет из незабвененького, Коли и жить-то не на что, И положиться-то не на кого.	10
Вышеизложенное, что лютик: Легко за ним прогуляться Туда, где природа и люди На море и на суше Бьет баклуши, Точит балясы. "Индивиды" и "классы", "Души" и "туши".	15 20
Всякое людское отродье Зрелого возраста и рода Прошло сквозь огни, медные трубы, воды; Сквозь себя, мужей и жен. Отменна вода. Теоретичен огонь. Пусты лбы и трубы. Прелестны - хоть навсегда - /Только тронь!/ Свежие губы.	25 30
Давненько это было: Совсем недавно.	

Давным-давно:

Каких-нибудь десять лет тому назад.

Не надо быть ни пророком, ни провидцем,

Ни еще каким не то оборотнем,

А непредубежденным гражданином,

5

Чтоб оценить положение нашей страны,

Как лучшее в мировой ситуации.

Нас астрономически много,

Спаянных пока что в СССР.

Наша колония, рынок и сырье,

10

Сердце и честь каждого человека,

Живущего и будущего жить.

Мы непорочно бедны:

Так есть куда богатеть.

Мы горы, долины, речны́, морскі́ и лесны́:

15

Так есть куда силу девать,

Чтоб получить вдвое.

С севера к нам не подступишь: сдохнешь!

Сами путем не знаем,

А узнаём и узнаём,

20

Чего там деется;

Какое богатство веками

Ждет не дождется быть взятым:

- И будет.

Близок локоть с Запада :

25

А не куснешь:

Только заглазеешься - пасть отточишь, -

Глядь, соседушка по-приятельски

В бок

Вгрызся.

30

С юга: - жарко, да слишком живописно

/Читай: непроходимо/;

К тому ж афганцы, персы, турки

Несознательны, хоть убей:

Липнут к северу, как мухи на мед,

35

Точно знают, где спасенье.

Щипнуто было с востока -
Да вышло столь дальневосточно,
Что пораженью поражаясь,
Спешно распоряжались:
Оскаленные морды счесть улыбкой,
Трупы - спящими,
Пленных - туристами в СССР.

1930

РОМАНС

Д. д'Л.

Ты хочешь наврать. Ты не можешь вместиться
 В отвислую наглость, когда
 Заломленных звуков срамное бесстыдство
 Вступает в остатки стыда.
 Вплотную приникнув, лукавое горло, 5
 Наполнено песней седой,
 По женскому телу невнятно и гордо
 Шевелит глубокой водой.
 С усмешки, от шеи стекает похабно
 Дебелая дрожь до грудей, 10
 Где в дроби сосков, отвращеньем озябнув,
 Все низится, низится... где...
 Ты знаешь биенье. Мелодия скрытно
 Струится с туземных руин.
 О чем ты тоскуешь? Условия ритма 15
 Разнюханы счастьем твоим.
 Убитые руки цыганского пенья
 Погибнут в глуши без нее,
 Без запаха, голоса, пепельной тенью,
 Как бедное сердце мое. 20

23 октября 1930

НЕСКОЛЬКО ГЛОТКОВ

Иллюстрация к "Поэтическому обозрению"

В настоящий момент
 Крепким полыханьем ночи
 Да глубоким разливом крови моей во мне
 Впущено в меня
 Простосердечное доброжелательство 5
 К ватным, сморщенным от времени временам.
 Как сейчас помню, в тысяча...
 Каком бы то ни было году
 Протекают под окном моим непрославленные хвастовства
 Вот этих /имя рек/ 10
 И прочих анонимных строителей
 Базы современного мирозерцанья.
 Вы нам нужны, любезные ветра;
 Мы вас уложим в наши паруса.
 Не шопотом нам бормотать, что мы задиры. 15
 Целуемся, будто кусаемся.
 Зовут нас /приблизительно/ Марьями да Иванами.
 Друг другу мы вспоминаемся бывшими в сорванцах.
 Для нас подробности родителей чужды;
 Непоследовательно дрожит над нами 20
 Непредвзятое и безукоризненное
 Чувство предка.
 Ну, тады так.
 Музыка - трогательное и забывчивое событие
 Из породы любвей; 25
 Из нее следует крутить романы;
 Она пресыщает.
 Запах арбуза доведен до степени олифы.
 Стекло, луковое, что потребность,
 Сдвигает перспективы заднего плана небес сквозь дерево,
 Небес, будто приляпанных спереди дерева,
 Ди дере, Дидро, ди дерева.
 Луница, луночка, полновесная, как луна на́ небе,
 Жесткой, выветренной слезой

Висит оттуда в глазу.
Мы спокойны, как дни,
Начатые намедни еще, еще недавно.

16 ноября 1930

ВПРОГОЛОДЬ

Красавица Эрька смеется.

Зависит?

Нет, не зависит.

И совсем не помню я ее,

И вовсе не вспоминаю никогда почти, а если вспоминаю, 5
так что ж,

И не думаю, а коли думаю, так разве что иногда уж,

Хоть и нередко, пожалуй,

А наверно почаще,

Будто часто, 10

Должно быть всегда,

То-есть: всегда, всегда.

Вот поедем, милочка, на бега,

А не бегу-то!:

Побегут тпрусеньки, 15

Рыженькие, гнеды, темно-серенькие.

Из колоды высосанные, точно валеты,

Распутно и добродушно

Ртутной рысью выльются

Наездники на таратаечках; 20

На фальстарты, к финишу, по бровке

- Пасьянсом раскладываются.

Ломбардной прелести полны

Кассы, жвачно причмокивая,

Плещут в наливные сердца 25

Бобровой струей азарта.

"Нос ведь, нос вырвала, мать честная!"

"Без - девятнадцать - две".

"Хвост спереди, голова сзади... твою мать."

"Заезд дороже грабежа!" 30

Ну, и...

Ты чего, гад, улыбаешься?

Зависит?

Нет, не зависит!

24 ноября 1930

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

"Село за обед пол-семьи:
Съело за обед пол-свиньи."

1.

По своему небу
Ветер вышивает узоры.
По-своему нелепо
Бредут споры.
Из домов дрязги, 5
Как коты, перебегают двор.

Много всякой грязи
Разбрызгивается в упор
На этом лучшем свете:
Потому что худшего нет; 10
Так как не знает ветер,
Что такое свет.

2.

Будь добр, напиши, потому что
Сытенькая луна, повиснув ка-
плей в море, упирается 15
оттуда и нехотя дрожит у
каждого под ресницей -
желтой, крутой слезой; по-
тому что запах арбуза,
доведенный до олифы, 20
закапывает в себя чужие
носы; потому что кислое
луковое лицо стекла в
окне перетрагивает всю
глубину за собой, наляпы- 25
вая перед недальным дере-
вом куски отъявленно
далекого неба, припеле-
нутого к земле слоями
облаков. 30

41

3.

Оврага склон облит
 Ласковыми, что мордочка любимой,
 Слабосильными рупорами повилик
 Цвета цинерарий и бегоний.
 Да, здесь в зеленой густоте 5
 Горлом к земле змеились:
 Овчарский войлок, фаршированный репьем;
 Медеяжские массивы; санбернарские
 Рулем поставленные зады,
 Отяжелевшие предчувствием паралича; 10
 Элексир Сократа со спящей смертью в челюстях,
 С профилем лондонского скряги;
 Струйки до колючки фоксов;
 Перо, правило, стрелка; 15
 Пиявки на колесиках; 15
 Квадраты гениальных блухов
 И черноносых заливистых пуховок;
 Сухопарые курьерские глисты;
 Милочки, проросшие островками слянявых перьев;
 Придворные собакусы - 20
 Квинтэссенция всякой собаконости.

4.

Паровоз ядовито сипит и, растал-
 кивая локтями отсутству-
 ющую толпу, ломится в 25
 открытые двери полотна,
 сведенного в единый мар-
 шрут мертвой хваткой пе-
 реведенных стрелок. От
 равнодушно изложенного,
 пахучего сигнала - прово- 30
 локи, потряслись и звякая
 побежали к семафорам.

5.

Осень - дневная, румяная, спелая -
 Напрягает конец октября,
 В коем борьбой красных с белыми
 Начат ход нового календаря,
 Вооруженному восстанью предвиделся 5
 Удачный исход.

Фиг цена

Временному правительству!

Верность ему? -

Фикция!

10

Город полон военных действий.

Артиллерий длиннейший

Клюв

Долбит по Кремлю.

Оскалившись двинулись 15

Предместья.

С крыш, с вышек церквей

Обстоятельный пехотный обстрел.

Поколочена сотня домов,

Две-три тысячи человек. 20

Враг разоружает врагов.

Тихо, как слепой, выпадает снег.

Бульвар. Ночь. Ветрено. Дорожки скользки.

Осанка двигает человека:

Бывший лакей бывших князей Алкогольских 25

Точно с памятника прошлого века.

Пасет скотину: гулкий дог

Задней ногой фехтует с деревом.

Аристократический пастух продрог;

Брюжит: "Хоть бы одна стерва". 30

Бывшая княгиня в объезде -

За границами отгуливают красу.

Ими попорченный кобель заскучал.

На бульваре бывшая баронесса, юбку засуча,

За небольшое возмездье 35

Доставляет удовлетворенье псу.

43

6.

Я выехал. Лето ветром до-
водилось кем-то осени. Оста-
новки чередовались сквозь
индифферентные тривиаль-
ности газетных событий. 5

Наступило Кунцево, как зуб-
ная боль. Были Фили, связав-
шие гимназический кузов
Кутузова с велосипедными
Дорожками подмосковских 10
полей. Одинцово - буфет -
и желтые цветики Нем-
чинова поста. Я приехал:
высыпан под два длинные
зеленые отворота давниш- 15
них насыпей. Паусный
дерн по мне, а потом я
по нему. За верхней ли-
нией трав - шпичи мо-
дёрновых дач. Купцы Ка- 20
лашниковы. Перевален
хребет. Отыскивается домиш-
ко, на лето снятый при-
ятелем, которого нет сегодня
здесь, хотя в этот день не- 25
дели он должен быть здесь.
Оказывается, я приехал к его
жене.

7.

Симпатично функционировал
Квартета лай ладный 30

В хлопотливой иронии лиры
Раскряхтевшегося Гайдна.
Смахнув полтора столетья,

Моментально забытых,
Засвистели плети
Из ушей Хиндемита.

8.

Старое полнокровное солнце
декоративно прожигало 5
жизнь сквозь ветер и тучи.
Серая дача выставлена
к дороге сплошным досча-
тым задом. Вход через
калитку простодушно укра- 10
шен наотмашь оттопы-
ренным нужником. Цы-
ганское напеванье густо-
го контральта под хрупкое
тисканье бумаги донеслось 15
оттуда до моих ушей и
носа. *Piu mosso, piu vivo,*
здорово живешь, - бор-
мотал я, опасаясь сконфу-
зиться, чего сделать не успел 20
из-за озорства.

9.

Доскональней, чем жизнь моя,
- Разумеется, для меня, -
Монументальней и неподвижней,
Чем смерть моя, - моя 25
Любовь к воспоминаниям.
Вот, например, те женщины, что на ролях красавиц
В своем кругу,
Вечерним тронуты загаром:
Будто человек жил до сих пор только для того, чтобы 30
мельком встретиться с ними.

10.

Следует нравоученье о том, что
у каждого есть стайка зна-
комых, вылитая в разрознен-
ные и спаянные куски взаимо-
отношений, натянутых до 5
внутренностей или рассеян-
ных до поверхности руко-
пожатья, шапочного кивка,
одностороннего узнаванья
взглядом, слухом, воспоминаньем. 10
Мое назревающее
пребыванье в этом мире
есть градация от любопытства
и желанья к боязни и скуке.
Трогательна взаимность 15
встреч, не подернутая на-
чальными ляпсусами от из-
бытка или недостатка от-
кровенностей.

11.

Ты пахнешь апельсиновой цедрой, миндалем, 20
Летним ливнем,
Цветами картошки,
Ранним тополем, липой,
Далеким лесным пожаром,
Прососавшим утреннее купанье. 25
На горизонте твоего тела,
Раскинутого густой прохладной тенью по зною,
Хорошенькой щечкой весеннего огурца,
Лежат два озера, два глаза,
Два ялика в частых зарослях камыша: 30
Пльви в них, куда взбредится,
Тянись к ним, как "пить" после соленого,
Как цвет к свету.

12.

Обладательница контралья,
 вышед из неслишком укром-
 ного убежища, не остолбе-
 чела, увидев меня. Складки
 платья расплзлись по своим
 местам при первых дви- 5
 женьях красавицы. Обна-
 женный смех захлопнул
 уборную глубь, откровенно
 торчащую за ее тенью, око- 10
 ло распахнутой тщедуш-
 кой дверцы. Ветерок ше-
 велился в использованном
 комочке газеты. - "Ну, а
 зы-то, чего уставился?" 15
 Нетрудно было вторить тако-
 му голосу, и я храбро и ве-
 кливо предложил закрыть
 непослушную дверцу. Де-
 ревянная вертушка на рас- 20
 латанном гвозде еле сдер-
 живала доски, упругие и
 стваливающиеся от покосив-
 лейся непропорциональности
 кабинки. Контральт кон- 25
 трапунктировал мои увен-
 чанные успехом усилия:
 - "Герой - ой-ой! Да она у
 час всегда нараспашку.
 Только изнутри на вере- 30
 зочке!". А мой вопрос - до-
 ча ль Зоя? - оказался не-
 цензурным что ли. - "Так
 вы к нам пришел? Фу,
 стыд какой!" 35

тивело дачное житье.
Они хвастаются передо
мною своим существовань-
ем и молодостью.

15.

Мы шли покупать черную смородину, 5
Из которых Аня, Аню
Можно было спутать с,
Принять за:
Ветреную рябь Волги,
Ялик, в быстрине засевающий на мель, 10
Купол толстого Спаса,
Горный хрусталь, песок.
Да известняк крутого берега.
В пепельном напряженьи азарта
Порождается эмоция малодушия. 15
Мша кудрявая, трёфовая зелень
Древесных куп.
Пики темных елей
Скрывают непристойную прельстительность.
Да ей и карты в руки: 20
"-Лодку!"
- "... те в глотку",
- "Лодку!"
- "... те в глотку".

Аничка нисколечко не понимает 25
Моего скомканного и бессильного гнева.

16.

Пруд приподнят над доли-
нами полей и лугов, над про-
галками и просеками, как
язва, по корочке краев оброс- 30
шая высокими, укоризненными

соснами. Пруд бур, будто
 налит венским питьем. Оку-
 нулся - вынырнул - лизнула
 водопроводная труба. Я
 вынужден барахтаться в 5
 нем, в нем переполненном двумя
 женскими телами, перемы-
 вая кожу себе, да кости
 обоюдно осмеянным знако-
 мым и незнакомым. Ме- 10
 ня топили и спасали. Сол-
 нце било сбоку. Я тыкался
 тупыми от мокроты но-
 гами в отверстия штанов.
 Муравьи спинками че- 15
 сались в меня.

17.^{x/}

Прощай, газовая вонючка,
 Гнездо рабочего труда.
 Навсегда прощай, потому что
 Не вернусь к тебе никогда. 20
 Нестерпим твой монотонный зуд,
 Неприютна, гадка ты;
 Горек подневольный труд
 Из-за нищенской зарплаты.
 Отняла ты у меня юность 25
 Веселье, счастье... Так я рад
 Что хоть могу плюнуть
 На твой каторжный ад.

18.

Ротастые бездельницы болта-
 ли, так облизывая губы, 30
 что их хотелось целовать.
 Еще глазастее после воды,

они шли голыми поверх
 платья, точно и тут я с
 ними купался. Стало до
 такой степени вечерне,
 что мы побросали полю- 5
 тенца в дачу, а в себя
 еду и начали классическую
 ночь прогулкой по опуш-
 кам. Несмотря на цы-
 ганские синкопы, Валя 10
 была изъята окрестным
 футболистом, и ушла,
 лягаясь глазами. На
 ночь глядя, бледнели
 дачницы и, чтоб не по- 15
 мереть, целовались до
 упаду, подстилая синень-
 кие жакеты. Небо все
 слабее сигнализировало,
 мне и Зое, прищемленным 20
 боком, имитируя фазы уши-
 ба. Мы шли под руку, под
 которую все галдело, что
 нам стыдно не целоваться.
 Взгляды начинали поку- 25
 сываться. Мы разгоняли
 срам дымом старолюдных
 воспоминаний: - "у нас в
 Ростове", - "у нас в Москве".

19.

⟨уда ни кинь, 30
 ⟨лин -
 ⟨лином вышибать:
 ⟨дрена мать.

Куда не брось, Вкось - Косы заплетать: Ядрена мать.	
Куда ни глянь, Рвань - Рванью погоняет: Ядрена мать.	5
Куда ни вдарь, Тварь - Вали на кровать: Ядрена мать.	10
Куда ни вспясть, Мать - Сыновьям подстать: Ядрена мать.	15
Куда ни сгинь, Зги Что ли не видать: Ядрена мать.	20
Куда ни верть, Смерть - Одной не миновать: Ядрена мать.	
20.	
Наши слова и движенья от- ражались в потревоженных объятых видимых и невиди- мых чуть не под каждым кустом. Они возвращались, как бумеранги, все туже	25 30

опутывая наш велий бег.
 Мы шатались, точно вол-
 чкй на исходе пуска, и
 я освобождался помаленьку
 от зависти, чужа воз- 5
 можность разбудить зависть
 футболиста. Уже не воз-
 мущали оловянные лица
 встречных самцов, зады-
 хающихся от напора чувств 10
 и ночи, с пеной поцелуев
 на усах. Насупленное
 молчанье с каждым мгно-
 веньем становилось все
 откровенней и невесомей, 15
 как и синенький жакет,
 снятый от духоты, что по-
 корно лежал на моей ле-
 вой руке.

21.

В трауром отороченные дни, 20
 В толпе трубой, в конного войска: - во!,
 Когда мир, бедный людьми,
 Замер от Маяковского, как почки,
 Светло-шелковые, как тоня
 Глаз, именующихся "очи", - 25
 Бедствие вдарило по нам.
 Нервно в гробу. С улицы
 Просачивается струя толпы.
 Несколько рот солдат революции
 Сдерживает похоронный пыл. 30
 Интеллигенция, не сдержав восторга,
 Трясет у Кудрина девятьсот пятым,
 Нахлестав конную милицию по крупам,
 Что обходится недорого:
 Ни убитых, ни раненых, ни в плен взятых; 35

Все, сломя голову, несутся за трупом.
 Но и этим, собственно,
 Не оканчивается печаль интернации:
 Сотня тысяч голов брякается об стену
 Бывшего монастыря, ныне места кремации.

5

22.

Было темно, как в ком-
 натах, когда Зоя нако-
 нец споткнулась на коря-
 вые буцы. Сытая, цыган-
 ская реплика рассеивала
 сомнение: - "Шляются тут.
 Милый. Не сидится". По-
 следний поезд вышел с
 последней станции. Я ус-
 пел побежать к нему.

10

:5

Зоя наспех вернула ме-
 ня, чтоб сказать, прошеп-
 тав от злости: " - Я не
 хочу больше видеть
 Вас никогда. Отдайте жакетку."
 Собственно говоря ночь бы-
 ла так темна, что меня все
 равно не было видно.

20

21 мая 1931.

МЫСЛИ ДО ВЕТРУ

/В 30 цитатах/

Заключение для четырех обзоров

"Граждане и гражданки,
Вагон идет до Лубянки".

Цит. 1.

Какая мораль?

Откуда мораль?

Такую мораль

Да кто ж намарал?

Мы "сам с усам",

5

Живем куса'м;

Куда тебе там:

Я те дам!

Все мы и вы,

Принужденные писать

10

Иероглифами и прописью,

Как я сейчас, -

Уверю вас: -

В лучшем положении, чем те,

Что пишут в газетах

15

Или в ватер-клозетах.

Цит. 2.

Не целуй моих глаз, Эвридика:

Я их продал, я отдал их в рост.

Небеса утомленно и дико

Загораются трупами звезд.

20

Погуляем по-прежнему, выйдем

Подышать вероломством вещей;

Ты видна мне, и я тебе виден

Под наркозом любовных речей.

Потому что, лишь тленные души

25

Обеспечут свое визави,

Я пойду околачивать груши
 Закоsnелым остатком любви.

Цит. 3.

Великолепно равнодушен
 И миг от мига равнодушнее
 Он пользовался ей, как кушем, 5
 Как выйгршем, как вкусным кушаньем.
 Простывшим голосом, вчерашними руками,
 Немытой лаской любовь копал.
 А мы еще кого-то ругаем:
 Тот, мол, некультурен, этот отстал. 10
 Плел хам, опасность в нас почуяв:
 Где уж нам понять ту красоту,
 Что жар вчерашних поцелуев
 Не греет в нынешнем быту.

Цит. 4.

Она его смерила взглядом, 15
 Какого не запомнят старожилы.
 Ни цвета волос ее не запомнят;
 Ни жизни нашей, ни любвей,
 Ни снов, ни немощей не запомнят: -
 Не запомнят, не запомнят, - 20
 Как старожилы.

Я еще ее не целовал:
 Только ноздрям моим краса ее,
 Памяти моей краса,
 Снам моим красота ее. 25

Цит. 5.

Тогда гуляли мы с тобой
 Под этой маленькой луной:

Гуляли мы, любили мы,
 Наверно целовались мы,
 И вот потом узнали мы,
 Что каждый звук и каждый миг
 Навеки в памяти возник. 5

Гоня и нагоняя сон,
 Качался на небе бутон.

К старушке наклоняя лик,
 Идет при ней такой старик,
 Какого мог со всех сторон 10
 И вспомнить и запомнить он.

От кухонной до гробовой
 Плиты: - гуляли мы с тобой.

Цит. 6.

Читатели и писатели,
 Здесь живут предатели. 15

Кокетлив до жеманства.
 Будто лампадным маслом
 Отлакирована морда.
 Присасываются и извиваются
 С живостью разрубленного червя 20
 Мокренькие, липкие, лукавые,
 Слюдяные, обсосанные, вонючие
 Щелки подонков глаз.

Затылок подвижной, точно пиявка,
 Вбирается в шею, как у кур. 25

Рукавицы рук в бородавках.
 Ладони, - взмокшие, будто жабы,
 Будто обрубки трупа.

Поганая помесь похотливой монашки,
 Уступившей сальному вожделению пристава: 30
 Палач.

Цит. 7.

Янтарный голосок луны
 Ко мне течет по водостоку.
 Сырая двигает вода
 Глубоким оком черноты.
 Торчит из омота утопый, 5
 Качая веточку ветлы.

Горбатый окунь, рыба зebra,
 Обводит корень камыша.
 Ползет рыбак травой прибрежной,
 Ища прогалка в камыше, 10
 На хлыстик пленного бамбука
 Надёрнув осторожно глаз.

Жестикуляция вещей
 На мне налипла лаборантом:
 Курячьи лапки; инкубатор; 15
 Родильный замок. Скрытым ритмом
 Сознание доброе горбато.
 Но черствой корочкой тропинки
 Несется хвойный ком ежа.
 От жаркой сухоты ствола 20
 Опять иду к чернильной влаге.
 Земли супружеское око
 Меня покоит и глядит.

Цит. 8.

Последние годы половина июня и конец мая у нас
 холодноваты. 25
 Нам кажется, что раньше они были теплей. Но это вздор.

Я целую ночь ехал к югу.
 Ночь началась еще вчера.
 Еще вечером.
 Уже в вагоне. 30

Пруденты! Паиньки! Целки!
 Мильтошки по заутренним ночам
 Тормозят рукояткой перчатки
 Грождан Марксквы,
 Перебросавшихся дбпоздна - дбрана в картишки: 5
 "А может и нельзя?"
 "Быть может запрещено уж?"
 "Посадют может статься!?"

Впросак попадают граждәне
 Под ренонс отсутствующего вопроса; 10
 Проноят, как от дамы третьей,
 Слова,
 Не могущие укрыть неказистой тайны;
 Лепечут ремизным голосцем
 Бескозырную околесицу, 15
 Все-таки расплачиваясь за исповедь
 По - крупной:
 Подневольным показом документа,
 Бьющего через край "интимнейшими" сведеньями:
 Петр... 20
 "О, эта наглая муниципальная мразь,
 Издевающаяся со скуки,
 Может безнаказанно пощекотать:
 "Петенька, Петруша, Петушок".../"
 ... Александрович... 25
 "Ага, не подкопаешься,
 Зараза, чорт!/"
 ... За - дни - цын...
 "О, оскорбленье, негодяйство, дерзость!!/"
 "Нет, товарищ милиционер, Вы ошиблись; 30
 Ошибочка произношенья:
 За - ррр - ницын! -
 Темновато здесь"...

Цит. 11.

Наш дешовенький, ненадеванный романтизм
 Плещется по наукам, искусствам и политикам,
 Вызывая икотные приступы скуки.
 По всей вероятности, это жизненно
 И так же справедливо, как и то, 5
 Что каждый отец
 Может матернуть сына или дочь,
 Будучи безапелляционно правым.
 В комнате стоял вол-конский дух;
 Ржали беговые бараны, 10
 С лицами отвислыми, залупленными и половыми,
 Как член, причесанный напробор.
 Этот классовый подбор, точно плешь,
 Свидетельствует о многочленности организма.
 Но секретарь месткома сгоняет 15
 На общее собрание сотрудников,
 Растекающихся, как ртуть.
 Здесь автоматически растасуют
 Всем известнейшие правила
 Злободневнейшей морали: 20
 Чтоб достичь того или другого рая.
 Живите с миром, друг друга предавая.

В этом мире боевом
 Каждый думает о своем,
 Каждый живет о своем: 25
 О том, о сем.

Фамилия, имя, отчество.
 Да здравствует бесклассовое общество.

Цит. 12.

На облачном берегу
 Потерял барин дугу: 30
 Не найдет ее во-век
 Этот люмпенчеловек.

Спокон веков -
 Во веки - вечные:
 /"Подведи ресницы
 Под веки вечные"/.

Цит. 13.

Ряд рецензий 5

На милочек.

Родился в Пензе

/Где это?/ Обмылочек,

Розовый,

Симпатичный... 10

Ну, что за разговор

С ним почти:

Моя современница

И многих других;

Может, еще женится 15

На ней кто-нибудь из них.

Жил-был в Туле

Кавалер.

Чорта в стуле

Ковырял. 20

Молодчик хрупок,

Женствен;

Выводит крупным:

"Будем - жить - в - Пен-зе".

Сады казисты, 25

Жирен жасмин.

Черты гимназистки

Все в нем, да с ним.

Вензель

На садовой скамье, 30

В Пензе,

В ее, то-есть, семье.

Познакомили.

Матрос: гардемарин;

В Гомеле

Рос; уморил:

5

Порка; Кронштадт;

Опять же о Темзе...

/Где это?/ Каннихферштан...

В Пензе!

А тот из Тулы,

10

Симпатия!

Ну, там, посулы,

Объятия

И всякое,

Тому подобное...

15

Однако:

Чтоб он...

Со всей силы,

Очень: -

Мал да милый,

20

Сыночек.

... Год за годом, как день за...

Ух, ты ж, скука!

... Как с Тулой Пенза,

Шлюха да сука.

25

Итого,

Чтоб

И этого и того

Гроб сгреб!?

Вот и жизнь вся

30

В Пензе,

Куда ни двинься,

Ни денься.

А бывало-то в Пензе

Старушки:

На пенсии

Во всеоружьи...

Цит. 14.

Паровоз клянчил станцию поезду.

5

Ну, и выклянчил,

Нехотя отведя

Занесенную угрозу семафора.

Мы равнодушно вкатывали в городок,

Точно нас-то тут только и ждали

10

И нехватало только.

Утро, раннее до непогоды,

С фотографической реальностью повело

По нашим лицам в хмуром гриме

Невыспавшихся, высыпавшихся из вагона.

15

Улица от вокзалика

Отворачивалась к местечку города

Длинной - /напрямки/ - рукояткой хоккейской палки.

Она уткнулась потбм -

Днем, - вечерами и разными другими членами суток, -

20

В большую помещичью комнату,

Где пожил втроем дён пять

Певичка, балерина да я.

Наверно оттуда не ходили старожилы

К серебристым тополям реки,

25

Навстречу городским коровам.

Цит. 15.

"Ну, да,

Умеет он танцевать.

Да он ей, пляша, все целомудрие отдал"...

"Что ты!
 Погоди чутки, присядь:
 Куда так торопиться-то изо всех сил?"
 "Вот как?!"
 Это, чтобы я отдала? 5
 Никогда тому не бывало, не будет и не быть!"
 "Верно:
 У него ни двора ни кола;
 По фигурочке и по всей фатёре скудь да стыдь."
 "А я!?" 10
 Вхожу-то в зал:
 Ледей, что людей!
 Меня аж в дрожь, в жар:
 И вспатела-то вся,
 И уж обляденела". 15
 "И я б, пожалуй,
 Улеглась замуж,
 Чтоб было кой о чем поворковал со мной,
 А не только все хрясь да хрясь"...
 Экая вышеизложенная жизнь. 20

Цит. 16.

Имитацией рыданья, перешедшего в рев,
 Слезу прошибают тромбоны.
 Есть и очевиднейшие каноны.
 Воздух и еда восстанавливают кровь.
 Пока вот, тем временем, покуда 25
 Наше гедонистичное существованьице
 Делает вид, что тянется,
 Что оно - битая посуда,
 Которая два века живет, -
 Век за веком и идет. 30
 Я тогда воспринимал людей остро.
 Как - они меня: - определить трудно.
 Могу предположить, что острость
 Была, может быть, обоюдной.

Цит. 17.

Эх, смоковница тополя у речки,
 Запотевшей от дождя,
 О тебе нельзя вести речи
 Так себе, судя да рядя.
 Ты пьешь мою память, как когда-то 5
 Выпивала близкие небеса,
 Обливаясь певучими струями,
 Текущими, как мои глаза;
 Как мои глаза, что тусклы
 От острых лучей земли, 10
 Но и вслепую б во мне зажгли
 Твое мирное русло.

Цит. 18.

Может быть, ваши предки,
 Совершенно так же, как и мои,
 Были королями, рабочими, фабрикантами иль громилами. 15
 Поскольку эти черты затушеваны
 И социально-приемлемы,
 Я с вами разговариваю^{x/}
 И не разговариваю.^{x/}

Поэзия - ощущение возможности этого и того, 20
 Что птицы хлопьями просыпаны в сад,
 Что карта еле-еле, едва-едва, чуть-чуть,
 Всего в каких-нибудь несколько миллионов раз
 Увеличивает и уменьшает действительность.

Цит. 19.

Поэзия - сопоставленье, 25
 Матерьял определяет не качество искусства,
 А его количество.
 В теперешнем письме Пастернака
 Только и есть, что борьба с самим собой;

^{x/} Эти две строки должны быть интонированы совершенно
 одинаково.

- Неравная борьба:
 Старый /молодой/ - куды сильней.
 Крутые схватки не могут стать и не становятся
 Лирическим корнем поэта.
 Кажущееся мастерство 5
 Является его слабостью:
 Оно не помирает, чтоб возродиться,
 А влачит жалобное прозябанье;
 Оно требует мыслей все ближе, ниже и подробней, -
 Как с близорукою лупу, - 10
 Чтоб потухающий свет
 Казался еще горячим.
 Пастернак потерял тему.
 Паллиативом "пятилеток", "революционных воль" и
 "генеральных планов" 15
- Не заполнить этой пустоты:
 Брякая, они проваливаются,
 Вызывая смех
 Даже у восторженных администраторов административного
 восторга. 20
- Кладя на-руки переулков охулку^{x/},
 Или не кладя оной,
 Имитируя эту манеру, как жизнь,^{x/}
 Или, как женщину берут /опуская ноги в белок/^{x/} -
 Нельзя не возбудить желанья 25
 Приравнять все это к тому ж бессилью,
 Из живой жортушк сару^{x/}
 Сделать мертвый товарный вагон^{x/},
 Иль буфер, там,
 Иль еще что... 30
- Цит. 20.
- Точно кошолка под осину,
 Пела татарочка сню;^{x/}
 Лебединую гнула спину,^{x/}
 Мы шептали: "Прелестно";^{x/}
- ^{x/} Цитаты из "Волн", "Вокзал несгораемый ящик" и др.
 вещей Пастернака.

По-монгольски бородатый старец,
 Коренастый, смахивающий на зубра,
 Хихикал, прикрыть стараясь
 Белокурые, древние зубы.^{x/}

Сей символике трактирной 5
 Не приличествует ничья
 Оторопь забавы мирной,
 Выкормленная по ночам.
 Я и подавно не стесняюсь с ней,
 Коль известно всем до скуки, 10
 Как в зернистую из паюсной
 Музыка в знаки лепят руки.^{xx/}

Посижу около себя; раздвину
 Наносной дребедени пласты: -
 Точно осень щиплет осину, 15
 Обирая керосиновые листы.

Цит. 21.

Глазами обнюхиваю свет,
 Что смотрит из моих ушей
 Всей своей невесомой тяжестью:
 Сам-по себе, сам-по-себе. 20

Свет ты мой, светик,
 Да не насмотреться ж
 Мной тебе:
 Больно уж с этих...
 Как их? 25
 ... Всяких
 Осыпается цветная ретушь.

Нет уж,

^{x/} Эти четыре поэтических ряда следует интонировать совершенно одинаково.

^{xx/} Эти две строчки подразумевают механику композиции.

Не смогу вам изобразить, душенька,
 Сколь это противно,
 Коли мало-мальски законфузиться
 Казенной порнографичности власти;
 Коли никому неизвестно, как все знают, 5
 Что неоткуда помощи ждать.
 Позорный гвалт стоит, стоит,
 Идет - нескончаемый, - бежит, останавливается.

Цит. 22.

Отекший бензином, 10
 Точно прилипший к месту действия,
 Стоял ломовой автомобиль.
 От него остро разило капорцами.
 Лошади его обводили,
 Уж раскланиваясь с ним, 15
 Как со старым знакомцем.

Исподний ветерок плескал дыханья
 Компании курящих в кабачке.
 Для некурящих ветерок; но краля
 Существовала только для мужчин. 20

Толста́ и пылка́
 Когда она сидела, груди,
 Как тупые морды кутят,
 Расползались в стороны и тыкались на привязи.
 Млекопитающие концы их тянулись 25
 На кажный гулкий баритон,
 Точно к материнскому молочку.

Ветер поозорничал по-кавалерски
 Платьем красотки;
 Когда ж она взвизгнула наконец, 30
 Поджимая юбку под мышки колен,
 Он выплеснулся в луг, в лес, в горы, в океан,
 Чтоб там, напрягаясь от воспоминанья,

Добивать утопающих,
Да упираться в редкие паруса.

Ранний, утренний, летний дым
От погорелого леса или торфа
Пронизывал дыханье.

5

Ветер, сфабрикованный движеньем,
И натуральный, и не с той стороны,
Сразу потрогал ожившие вещи
Наперегонки побежавшими мурашками.

Ветер открыл,

10

Что речка в припадке падучей,
Как музыка на скрябиновых костылях;
Водича конвульсивно забилаь,
Закатываясь по краям бережков;

Между каждых двух волн,

15

Как меж расслабленных губ.

Засочились пузырьчатые тщедушные пеночки -
Сбитой воды барашков.

Цит. 23.

Месяц, стеклянным светом

Тесную ночь облей:

20

Можно во тьме запутаться

Страннику среди аллей.

К милочке своей пробраться -

/Луна, коташка, перламутровая, мур-мур,/ -

Очень хочется страннику

25

Pour l'amour.

Цит. 24.

Сейчас, т.е. пока,

У меня день:

Часа четыре.

И солнце и лужи,
И ветер и облака,
Каких лучше или хуже
Нет нигде
Во всем мире. 5

Все, что наполняет мир,
Что происходит и длится,
Может от меня случиться
В любой следующий миг.

Убивают, пишут, пляшут, любят, 10
Гибнут, свистят, умирают, смеются,
Сосуществуют, -
Как я.

Мир стоит окопавшись тенью,
Своевременный и современный, 15
И ни для кого не тайна
Ни я около, ни воздух вблизи,
Ни тень длинная, как звук,
Которую вечерний свет кладет,
Ни символы простертых рук 20
Того, что жило и живет.

Сухо, как треск,
Повисло:
Жив, здоров, трезв,
Не лишен смысла. 25

Цит. 25.

Она гигроскопична, как волосы,
Напоенные климатом, солнцем и ночью;
Залита́, заёта шоколадами, "котями" и токаем.
/"Токай, потакай,
Куда хочешь, затыкай; 30
Как у Кати от "котей"
Завелось двое детей"/.

Она из тех, что...

Чего не смею сказать ни про других,
Ни про тебя, ни про себя, ни вслух.

Так я, видите ли, не о невинности,
Прикрытой загаром молодости, 5
Так как этого самого не вынести
Дямочкам, сосущим с голоду стих:

"Монпарнас,
Монпегас,
Мондые,
Мёндье."

10

/Ах, как вы грибы, Гёргий Николаевич!/

Цит. 26.

Фиалок погасший букетик, -
Оскомина скромной любви, -
От снятой улыбки, от этих 15
Движений запекся в крови.

От этой улыбки, от этих...
Она приходилась ему
Рождением, любовью и смерть их
Узнал он в цветочном дыму. 20

Э ноздрях шевелили жасмины
Своим земляничным нутром,
Забочками ночными, что с ними
Схожи своих лепестков молоком.

Все понял он. И не без форса 25
Здохнув, подмигнул на кровать.
Здруг птиц визг в окошко уперся
За так и остался стоять!

Цит. 27.

Лежит передо мной край Москвы;

В марте, в оттепель:

Париж!

Не видал его, голубчика,

А скажу: 5

Ну, прямо, Париж, да и ...

Цит. 28.

Жил-был на посполитом свете

С широко открытыми плечами;

Несгораемый, как ветер,

Как солнца свет, тщеславный. 10

С весной, аппетитной и нежной,

Уж такие-то друг-друга,

Раскидывали вокруг лачуги

Садов небрежных пейзаж небрежный.

Надивиться, нахвалиться не могли 15

Негой животрепещущей земли,

Не понимая, куда ж это клонится

Их обоудная бессонница.

Очень смешно как он погиб

Среди подробностей предвзятых, 20

Подхватив старость, страсть или грипп

На берегу захватанных закатов.

Цит. 29.

Там было так. Совсем другая

Вышла издревле к тесовым воротам

С молодым ребенком в руках 25

И со сводкой сведений о своей жадной жизни

От Крыма до Щигор, до сих пор, до меня.

Стоял я с ней,
Силясь заполнить анкету первой встречной взаимности,
Пытаясь поразить.

Должен был притти какой-то поезд
И наступить какой-то муж. 5
Темная милочка в шали
Перекладывала тихого ребенка.
Вечер уперся в ветер,
Как на всякой олеографии.
Я ассигновал красотке 10
И шторм и штиль неизведанных прикрас Москвы.
Было холодно и поздно,
точно ребенок был мертв или спал.
Она бы доверчиво пошла, поехала или остановилась
Со мной и для меня. 15

Куды там!

Исподволь лаяла гурьба меделянных псов,
Грандиозно праздная роскошную свадьбу.
Милая крымчанка,
Смущенная моим великодушьем, 20
И не кокетничала уж.
И муж не ехал и не шел еще.
Мы разошлись,
Не фиксируя развода
Из-за отсутствия времени, места и действия. 25

Цит. 30.

Во сне бряцали звуки,
Бряцали наяву:
Я набрал их в уши, в руки
И с музыкой живу.

Ее во сне я видел, 30
И видел наяву;

Законным ее любителем
Побрел на randevу.

Цвел английский кустарник
Розовеньким муслином
На темной мелкой зелени,
Полной тенистых впадин.

5

Не было там скамейки,
Не было там травки;
В стоячку к тоненькой шейке
Я поцелуем коснулся для затравки.

10

Но маленькие мужественные руки
Облокотившись на мои плечи,
Обдавая меня стройным телом
И предакушеньем следующей встречи.

29 июня 1932.

ТРЕУГОЛЬНИК

1.

Роскошен и лишнь, как палец,
 Указывающий слепым,
 Жил я под взмахом палиц,
 Падающих в меня, как в дым.
 Этим древним питаньем поддержан, 5
 Будто жестом цапающей руки,
 Я пыгался направить в стержень
 Бледные щупальцев ростки.
 Если удастся уравновесить
 Невзыскательную игру, 10
 Так счастлив я, словно месяц,
 Синенький, горланящий: "Тпру!"

2.

Я расплескан и пролит
 В ее милое существованье.
 Маленькое чудо, вспотевшее 15
 Упрямым запахом ромашки,
 Доверчиво прокладывает взгляд
 В мой опротестованный мир.
 Легкое тело облетает
 Невольным лепестком улыбки; 20
 Верные шаги ведут ее
 К моему проклятому забвенью.
 Нет сил мне пыхиться, девочка,
 За твоим родимым доверьем:
 Я готов зачерпнуть тебя. 25
 Берегись. Погибнешь или сдохну.

3.

Посеет ловкость кривотолка
 Таковую скромность в нас,

Что она вспомнится, как челка,
Как рабочий танцкласс.

Испод поварённого быта
Замурованных жертв
Обозначит, что позабыто 5
Множество милых черт,
Что восторженность узких знаний,
Мыслей, кокетства, чувств -
Только не более чем знамя
Старинной системы "прокруст". 10

Исход из таких оснований
Все же не столь велик,
Чтоб я вложенными перстами
Пренебрег, как мужик.

Июнь 1933

УСТОЙЧИВОЕ НЕРАВНОВЕСЬЕ

"Во всех "просперити" есть
 опасность излишества второго "п".
 "Der" "mot".

1.

Один однажды шел домой:
 Всё в одиночестве шли толпой.

Живые лужи теней
 Вели плоский перевод,
 Перемещались, рисуя 5
 Присвоенный висенью плод.

Оголтелое буянство
 Сияло немощным пятном
 Немой схватки постоянства,
 Любви, забытой под окном. 10

Как своенравно равновесье
 Исподней верности теней.
 Какой выгодной смесью
 Ляжет как тень от жизни моей.

2.

Это, как обыкновенно, граждáне, 15
 Как вихрь, я впустил ее в себя;
 Нет ни мне, ни ей оправданья;
 Как вихрь она во мне, как вихрь.

Перегрызу о ней ногти.
 Натреплю о ней вихри. 20
 Вход в ее жилье, как в дегте,
 Во мне, - и всё гогочут,
 Заголя подноготные икры:
 Так как все того же хочут,

Как жрать утренние тигры.

3.

На сберегательное дышло
Нанизан заимообразный конь.
У человека чегой-то вышло:
На лице лежит ладонь.

5

Древним парусом бумаги
Опрокинут в солнышке дом.
Я проверил вкус зигзаги
Ветром: - см. Карл Маркс, стр., том.

Я не робок, как цитаты
Солнца, ветра и воды:
Я любил ее когда-то
Под влиянием звезды.

10

Принужденные лечить зубы
У современных знахарей
Знают этот запах грубый,
Этот утрированный сельдерей:

15

Вот и отвернулась крошка,
А я воню пренебрег;
Мужеством, живучим как кошка,
Жизнь любви ее сберег.

20

Не опрокидывая понятий встречи
Вполне уместным неприличьем,
Повторю: "великое красноречье
Обладает косноязычием".

25

4.

Никогда. Нигде. Нынче.
Настаиваю непритязательно и обычно

На причастности поэзии
 Ко всем, что проходили - поездили
 И вот - желают вести себя отлично.

И отлично! Ее шевровые руки,
 Ноги, одежда, руки нагие, 5
 Могучий рот. Никогда. Руки. Нигде. Руки ...
 Какие? Какие такие? - Такие.

Никогда, нигде не отдам их ребятам,
 Чтоб к концу пятилетки повстречать ее ребятами,
 Чтоб никогда, нигде сильнее того сентября там 10
 Не пахло полынью и мятой.

5.

Трудов прокислая овчина.
 Пойдемте спать, мужчина.
 Поставьте клизму, сестра.
 Любви мальчишеская мездра. 15
 Не притрагиваясь жадным снам.
 Тела мыльное разложение.
 Попы переодевают сан.
 Она любила наслаждение.
 Береза выпила как спирт. 20
 Инвалид, побывавший в плену.
 Воды распространяют луну.
 Не препятствует, точно спит.
 Играет на шарманке шарманщик.
 Скотов погоняет погонщик. 25
 Никто не верит обманщику.
 Работает в бане банщик.

Трамвая бывший конь
 Наспех несет людей:
 Брыкнет немой огонь 30
 Этих проволочных ноздрей.

6.

От повелительных павлинов

До засиженных кур

Бродил я, память вынув.

- "Цур, цур, цур...

Я не заметил, девочка,

5

Ваших левых убеждений,

Когда настала спевочка

Взаимных упражнений."

До-ре-ми-фа-соль-ля-си-фи-лис...

"О, немзыкальная угроза!

10

Ложь! Но отсюда б вывелись

Розеола, когда вы, как роза."

И вот санитарный гражданин

Ведет ее к врачу.

И я теперь, как сукин сын,

15

Их видеть не хочу.

7.

Деревья, напряженные, как птицы,

Двигают личным утром и снегом;

Стоят над растерянным человеком,

Над пылом стихов и передовицы.

20

Я вижу, будто и ты видишь,

Как иногда такое настает,

Что каждый людской вкидыш

Выкидышем на свете как не живет.

8.

Он на диалекте чолки

25

Объяснился, как уж хотел-прохотел.

Мальвы цвета мертвых губ.
Маки, цвета жадных ртов.

Пыльный свет луной развеян.

Не волнуйся. Будь осмеян.
Будь доволен. Будь здоров.

5

Вот уж скоро каждый день;
Долго еще, каждый век;
Сколько лет забыть мне лень,
Что это лепечет человек.
Жизнь, наставшая, как вещи,
Я шепчу твой вой зловещий.

10

11.

В средствах оправдательной цели
Проявляя жест суеты,
Я присел на край постели
Любезной телу красоты.

15

Это зубоскальство сценок,
Как облизывая пальчики:
На дорогу, за бесценок!
"А что с ней, мальчики?"

Двадцать пять минут второго:
Дорогая, будь здорова.
/Как теории основа
Марксо-Энгельсо-Ленина/.

20

ТЬфу, чорт! Подвох. Расход. Она - снова.
Временно - беременна.

25

12.

Она его любила,

И он ее любил.
 Все это было,
 И я был.

Разрисованный мелом
 Тоже не был занят делом, 5
 - Далек, краист, любяж -
 Высокомерный кряж.

На том горластом тополе
 Аукались птенцы.
 Не сводила вб поле 10
 Земля с концами концы.

Комбинируя сыр и пиво,
 Отчего сыр и здоров,
 Равнодушной объектива
 Он помереть был готов. 15

Я помереть готов,
 Как большинство людей,
 Гигантскими шагами
 Плетясь за милой своей,

Шепча, плюя или свистя 20
 На все, что дорого:
 Ну, вот-вот совсем дитя,
 Устами которого.

13.

Пылая прокусанный лучом негатив,
 Я необдуманно зевал: 25
 То был полупристойно кичлив,
 Как наш осенний карнавал,
 Неприкосновенный, общеобязательный
 Вечер, исполняющий историю
 Обстоятельной небесной неги, 30

- Выводящий ускоренно
/Как поприща и нацменьшинства/
Травы непрошенной побеги,
Любви сверхмногое единство.
- Тут типа жизни, типа любви, 5
Типа внушительной теплоты,
Типа рассыпанных половин,
Соединенных в плоды.
- Я - самый скромный плод,
Что живет себе, да живет, 10
Понимая, что к чему,
И не нравясь никому.
- 14.
- Как смертельная свирель
/... Какая ель, какая ель.../
С места делает сальто, 15
/... Какие шишечки на ей!/
Он выбрал бритву. Плёс её,
/Дымный припорох асфальта/
Рекí, выгнутой, точно обнимая,
Точно светает. Белесое 20
Морганье ночного мая.
- Бритва не тронет ее альта, -
Который тогда не пел,
Когда припомненная Ялта, -
Будто он вспомнить поспел. 25
- Женщина покроет песней
Твое бездонное бритье:
Так как с ней еще прелестней,
Чем быть может без нее.

15.

Не покидая тенистых,
 Тенистых ее глаз,
 Он высунул порцию свиста,
 Которая неслась
 Вперед по свету-белу:
 А он за ней шел,
 Прибитый к своему телу,
 Как самый мокрый шелк.

5

Соловей, соловей, блядь птичка,
 Карамеленька, маленький цветок.

10

16.

Паяй слепую плавь
 Мертвых торчков того самого,
 Что многие зовут так-то:
 Апперцепция, рефлекс, синтетичность...
 А многие эдак-то.

15

Горе муругое. Матушка
 Жеребеночка своего бережненько
 Потчует. Кумыса максимы
 Лоснят его сладкое мясо.

Сангина да кармин...

20

Но этот гражданин,
 Который что-то строит,
 Пристроившись на базе баз:
 Эх, раз, что ли, да еще рраз...

17.

Поверим мы иль не поверим
 Приватной честности гражданства,

25

- Когда построим стройный терем
 Дешевой силой голодранца:
 Он вылезет убогим зверем
 От заблаговременных шкур;
 Коварный пробник, сонный мерин, 5
 Сопливый чорт, амур для дур.
- 18.
- Вы думаете, чудеса, милсдарь?
 Молодцы, что такое ду-ма-е-те.
 Идите в звезду. Звезда?
 Много туды сунуто. Остатки? - Суньте и те. 10
- 19.
- Мне не по воли королевство
 Отобранных чистот.
 Законной связи раболепство
 Поет, как кот, и тот,
- Кто буден праздник всевозможный 15
 Вечерним кодом встреч
 /Забудем этот признак ложный/
 Умеет подстеречь.
- Ах, хулиган, жулье, мошенник,
 Процентный капитал, 20
 Коллекционер дребеденег,
 Буржуй, собачий кал.
- 20.
- Он знавал этих цып сладкоглазых.
 Он поупотреблял этих цып.
 На марксистских платформах и базах 25
 Выводились такие ж птенцы,
 Как и те, что крахмалы кормилиц

Поливали дореволюционным дерьмом,
 А мякотью рылец
 Уж грозили тюрьмой.

Не заметил он криво и дрябло,
 Что в дыму диалектик маркси...
 Зазвенело трезвучием набло,
 Самородный грибок завелси:

5

Это - мерным дыханьем искусство
 Предъявляло свой косвенный сон,
 Просыпалось; вставало. В буйство
 Впадало так же, как и он.

10

21.

Я лежу, хожу, играю,
 Забываю, помню, знаю;
 Я живу - упруг иль ломок -
 Так же, как и мой потомок.

15

Мы торопимся и лезем
 С нашим счастьцем крамольным,
 С месивом страданий, нежностей,
 Сбритых лезвием подпольным.

Пусть случайное потомство
 Проживет, ко мне приблизясь,
 Нашу боль и вероломство,
 Веру, катарзис и кризис.

20

Заведя свои прогулки,
 Пусть оно почует, нежась
 Близким привкусом разлуки,
 Нашей жизни нашу свежесть.

25

22.

Я вижу солнечную воду,
 Отраженную берегом песка;
 Тихое, седое облако;
 И черную зелень леса.

Наверно, опять рыбаки:

5

Что-то ругани их не слышать.
 Наверно, трусливые птицы
 Напиваются теперь доотвалу.

Мне в лодке полно так,

Тихо и выразительно,

10

Будто я пуп земли,

Будто я красавица какая.

Отвечая настойчивым мыслям,

Порядочная рыба купается,

Вылетая из воды, озираясь

15

На громкую ей мою тишину.

23.

Твою девченку мотыльчью

Я обнял как-то летней ночью:

Холодновата. Красит губы.

Целуясь, обнажает зубы.

20

Веселым "корнем туалета"^{x/}

Забронированно одета, -

Но не поймешь, зачем ей это.

Таинственность того, что в блузе,

Доступна, как младенцу мать.

25

Неоткровенностью иллюзий

Сама спешит пренебрегать;

Торопит волю половую,

Прелестна и нежна, как ночь.

О, эту человечью дочь
Я с удовольствием целую.

24.

Девушки гурковали:

"А в кого б это влюбиться?"

Будто довольно трудно догадаться, 5

Что я являюсь принципатом страсти,

Что под боком такое есть,

Чему не быть вдали,

Что нужно только рядом сесть,

Пролепетав: "вали!" 10

Свою солидную манеру

Он пробовал продать на веру,

А если вере повредит,

Отдать кому-нибудь в кредит.

Неверен шахматный баланс 15

На бытовом пути.

Но если б можно с итальянс-

- Кого первести

Той бухгалтерии двойной

Парадные ряды, 20

Тогда б он шел домой

И заметал следы.

Обыден и деibel обед

Средь супа и котлет;

Ложится жаркое жаркбе 25

На всякое такое.

Тогда ему не надо знать

Ни Марксов, ни Спиноз,

Так как поет его кровать

От сексуальных поз. 30

25.

Шел я ночью полевой
 Мимо порослей деревни.
 Каждый шаг мой, как левкой,
 Отрывался в воздух древний.

Ночь катилась по ноздрям 5
 Запахом своих угодий.
 Я размяк: ну, просто срам,
 Совершенно не по моде.

Что в земле? Что в небесах?
 Что за легкость нежной дружбы? 10
 И на кой мне это лях
 После города и службы?

Чтоб освоить экстатичность,
 Я устроил неприличность, -
 Но она, журча, бежит, 15
 Не нарушив стройный вид.

26.

Я догорал на часах,
 Потому что их тугие стрелки
 С каждой секундой казали,
 Что иль опаздывает милочка, 20
 Иль вовсе не придет.

Вокруг - безличный шум
 К моему незаметному казусу.
 Липко шипят автомобили,
 Поджаривая скорости. 25

Я перебирал любовные услуги,
 Которые пылал оказать
 Неверной подруге,

Сумевшей в лучшем случае опоздать.

Прикованный к месту-времени,
Я мысленно врывался в аптеки,
Я звонил, невзирая на мужа,
По запрещенному телефону.

5

Стрелка падала, открывая
Пятиминутную бездну разлуки.
Нетерпенье переходило в зевоту;
Отчаянье взрывалось ожиданьем.

О, сколь лохматым псом
Я подбежал к ней, к ней, к ней.
Беглыми телесными словами
Выдающей удостоверение верности.

10

27.

Я вышел к пушистому сосняку,
Зеленому до синевы.
Небо над ним торопилось.
Птицы обгоняли облако.

15

Не наблюдалось грибов,
Продравших моховую скорлупу.
Не замечалось белок,
Развешивающих скаковые шкурки.

20

Одиноко толпилось
Слишко много меня,
Озирающегося, стремящегося,
Тихонького в тишине.

25

Я разбежался, по-людски
Разведя колючую волну хвои.
Я выплывал из глубокого компота
Юношески озорного леса.

Грибы прошли меня,
Найдя тяжелый шаг.
Деревья на меня
Наскакивали, как...

Не все ль равно, если 5
Выросли быстрые шаги
В легкую память, в мысли,
Живущие вместе со мной.

28.

Действительно, в советской действительности 10
Довольно много стремительности.
Довольно-таки весен, зим, лет.
И желтой осени билет.

На музыку спустя штаны,
Наклав говенной. кучей стон,
Пердит на черные блины 15
Лихой, как жопа, патефон.

"Чего там было, вот-те раз!
Отказу не было в еде:
И оливье, и ананас...
А выпили! - что полк блядей. 20
Бежим туда! Скорей! Сейчас!!

Где Тонька, - там и рвется! Где
Мы, - там in vino Верн таз!"

29.

Рядом жили гипнотические сеансы
Чтения великолепных авторов, 25
Наверно прикосновенные,
Как широкая воля причин.

Эти самоубийственные светофоры
 Открывали возможность убежденью,
 Возможность глубокой апелляции
 К заунывному обыкновенью.

Мне жарко видеть их ряды 5
 По ту сторону шор,
 Куда блистает светофор
 Беспечной чехарды.

Зачем он хочет, прикусив 10
 Заведомый ломоть,
 Своим волненьем уколоть
 Абстракции курсив?

О, эта наглая, как ложь,
 Как ябеда пари,
 О /ать, два/, эта /ать, два/ лош- 15
 адь, два, три, ать, два, три.

Свои поверхностные гу-
 бы может простирать,
 А я, как будто не могу,
 Два, три, ать, два, три, ать. 20

Ее такая голова,
 Которую нельзя
 Ни целовать, ни дать, ни взъ-ать,
 Два, ать, два, три, ать, два.

Пейзаж проколот, как серсо, 25
 И выколот, как глаз.

Младенца выклик: "холосо!"
 Мне и нам не указ.

30.

Я ночью чуть не в слезы упирался
 О том благодушном пастушеском собаке,
 Что погибает по зимам на нашем дворе
 Под внимательным равнодушьем жильцов.

Мохнатый, продрогший, невыспавшийся /от перманентной
 сонливости/ 5

Сидит он, пошатываясь, на буром снегу среди двора.
 Молчат его половые струны,
 Дрожат его лапы, уши, глаза.
 Нервно позевывает. Даже не хочет есть. 10

Пьяный сапожник выходит блевать.
 Возвращаются со служб разнообразные беги соседей.
 Сюсюкают возгласы: "Бобинька, собачка!"

Глубокая мерзлота гонит его на черную лестницу;
 Чтоб там прополусуществовать, 15
 Уткнувшись тощим носом в родимое благовонье паха.

31.

На клумбе тихо процветали
 Породистые травы и цветки,
 Ожидая вниманья садовника
 Или грубых рук любовника: 20

"Что-нибудь эдакое из нас сотки!"
 Соткú. Соткáл. И что ж?
 Чтоб не вздумали чего встречные красы,
 Я прячу в карман цветы,
 Обернутые папиросным пипифаксом, 25
 Упертым из машинописного бюро.
 Альпийские фиалки -
 Тц!

32.

Проснулся я ночью, - да нет! - не заснул еще,
 А вытолкнулся изо сна широким жестом нежности:
 Она пригласила на тур ретроспективной любви.

Я надавал любимой кучу прозвищ,
 По скромности несказанных наяву.

5

Я исполосовал любовное лицо
 Порхающими тельцами поцелуев.

Медлительным и упрямым шагом похоронной процессии
 Наклеивались происшедшие кадры
 Нашей отвязчивой взаимности.

10

Мне стало тускло так
 От этих стеклянных поминок.

Наверно я заснул, что ли.

33.

Всяк по-своему капризен
 И по-своему сутул:
 То, чего не мог Фонвизин,
 Может Пруст или Катулл.

15

Мне набрякал эгоист
 О своей паскудной жизни;
 Изложил он: - подавись! -
 Про труды, любви и грызни.

20

Неприятный индивид:
 Дерзкий и несимпатичный.
 Но, повидимому, нынче
 Каждый сам собою сьт.

Да и как же быть иначе,
 Если всяк оттуда начат,
 Где б другому человеку
 Перед смертью слать в аптеку.

Где б другому... Что за чорт? 5
 Кажется - я наврал,
 Кажется, невзачет
 Сей полифонический хорал.

34.

Я брел по свету выпуклого дня,
 Обширный и неотвязный, как мысль. 10

Выспавшийся сытый шорох
 Переполнял, как меня,
 Людей, присвоенных
 На моих лишних глазах.

На разные голоса 15
 Тянулась свора идей
 В эманации упрямой головы,
 То-есть, головы моей.

Мне б покричать, что ли,
 От встречной неволи? 20

Нет. Сквозь призму спазмы
 Я мусолил таинственно
 Инъективную истину
 О том, что единства разны.

Или приблизительно о том. 25

Тема-то, собственно, ведь
 Касательно житья.
 Нашлендавшись, вошел в дом,

Где родился, живет и может умереть
- Я.

Потом...

35.

После единогласной фуги,
Прожитой за тринадцать лет, 5
Он со мной, как подруги,
Которых не было, как нет.

Начерно намечены роли.
Начинается. 0 пульт постукав,
Он ведет глубокие рои 10
Копшащегося смятенья звуков.

Афористичная музыка
Говорит о вещах,
Влекущих за узду узника,
Взятого в плен, впух, впрах. 15

Подмигивают члены профсоюза:
Негостеприимны, как глаза,
Оркестранты. Какая обуза
Для моего категорического туза!

Каждый - максимум клещ; 20
Им бы антисоветскую власть;
Пожить бы им перевласть;
Их - в заграничную бы вещь.

Улетучивается пот;
Разоблачается цель: 25
Разговаривает, поет
Видимо-невидимая цепь.

Он сидит, к роялю прилядя
 Свое длинношеее тулово,
 Пальцами на прикладе
 Созвучий: от великого до утлого.

Два голых куска тела 5
 Подвижно выдавливают тона.
 Шикарно-траурный ящик
 Голосит не своим голосом. Луна.

Нестареющей силой отекли уши.
 Не хочется из лесу уходить: 10
 Все б сидел над ручьем
 Около возвратного пейзажа.

Гражданин Прокофьев душит
 Наши пасквильные души:
 Надо им помереть, 15
 Чтоб потом жить и петь.

Октябрь - декабрь 1934

ДЛЯ ДЕТЕЙ
(In usum delphini)

"Оратор - вслух,
Прозаик - шепотом,
Поэт - про себя".

1.

Я осторожно вел стихи
Среди подводных скал людей.
Меня прощали, как грехи
Своих развинченных затей.

Мной не клялись, но знали час
Невольных, современных снов,
Когда и эта мной клялась,
И та жила, чем я здоров.

5

Моих невидимых костей
В объятьях энергичных мяс
Не трогал эклектизм детей,
Которым грамота далась.

10

Я - не отпетый алфавит
Укладывал в огонь и лед:
Так что, коль время подождет,
Твой правнук мной заговорит.

15

А ты, заткнувший гнев и стыд
За пазуху своих невзгод,
Будешь иметь неважный вид,
Хоть нынче он тебе идет.

20

Довольно трусости и лжи,
Довольно правил и доброт.
Ты не жил, но за то я - жил:
И жизнь от жизни заживет.

4 января 1933

101

2.

Одушевлять на кой нам
 Такую красоту,
 Которая покойна
 На белом паспарту.

Ни жизнью обрмить, 5
 Ни смертью стереть:
 Как в собственную память,
 Смотреть на нее да смотреть.
 Она дана не небом:
 И очень хорошо! 10

Мы сыты черным хлебом
 Под возгласы: "ишшо!";
 Мы знаем цену страсти
 Без всяких конъюнктур;
 Мы счастливы отчасти 15
 Нищетой своих конур.

Красот вокруг немного,
 Но тем они ценней,
 Живые, как берлога
 Окрестности моей. 20

Нам иноходь такая
 Набьет пустой загром,
 Но, ей не потакая,
 Живем обиняком.

Спаяны свежо и тесно 25
 Жизни выжитой слои:
 Как прелестно, как прелестно
 Жить на свете в дни свои.

25 января 1933

3.

Я не томился, не страдал,
 Не лез ни в Ленины, ни в Лессинги:
 За то вот - и не умирал,
 Как некоторые ровесники.

Слова и звуки, что цветы, 5
 В стихах и музыках нарваны:
 Эту смертельность красоты
 Растопчут варвары,

Которые, - грубы 10
 В своем трогательном невежестве, -
 Думают, что весь судьбы
 В быстробийственной свежести.

Не узнать им, что есть за ней 15
 Неуничтожимое качество,
 Какое своре дикарей -
 Не выдумать, ни выдрать начисто.

Март - апрель 1933

4.

Шелестит колючий лес
 На пустые облака.
 Вытекает из небес
 Темно-серая река.

Я запомнил, как сумел, 20
 Медленный пейзаж,
 Разложивший под прицел
 Ветра дрожь, влаги блажь.

Штатский, как всеобщий мир, 25
 Как разрезательный нож,

Человек - отменно хорош,
 Любопытен, мил, -
 Видит лодку: длинный шов
 Распускается за ней;
 Видит небо: звездный ковш, 5
 Нас громадней и вечней,
 Запрокинут и отвисл,
 Удивителен и дряхл,
 Стережет какой-то смысл,
 Точно он здесь застрял. 10

Март - апрель 1933

5.

Ржал в траве кузнечик
 Медленно и знойно.
 Несколько овечек
 Шлю благопристойно.

Люди - жолты, босы - 15
 Ворошили сено,
 Отбивали косы,
 Преклонив колена.

Те теплые толпы
 Облекла кончина: 20
 С ними холод теплый
 Делит их скотина.

Конь, корова, жучка,
 Плуги, сохи, косы
 Как бойко, так жутко 25
 Распрастали кости.

Ржет в поле кузнечик,
 Прет по полю стадо,
 Каждый человечек

Делает, что надо.

У одного книга,
У других газета:
Посильное иго
Темноты и света.

5

Ветрик насекомых!
Ветрище аварий!
Ветерок черемух!
Ветер гор и далей!

Май 1933

6.

Город взвален долгим вечером
На плечи людских бессонниц.

10

Ночь дрожит стеклянным черепом.
Я бегу, как незнакомец,
Мимо собственной комедии.
Благодушной, чем мерзавец,
Распускается столетие;
На дрожжах своих красавиц
Разбухая все проклятее,
Прибедняются по-вдовьи:
Диктатура, демократия,
Мистика, средневековье,
Провокация, двуличие,
Малодушие, шпионство...

15

20

Каннибальские обычаи
Нынче вынужден я конста...

25

май 1933

7.

Высокий мир наук
 Не бешенством постигнут:
 Не в мановеньи рук
 Закоренелый стигмат.

Велосипедный сон 5
 Того, что довелось нам
 Перенести, - несем
 В своем дыханьи постном.

То выплеснем сплеча,
 То лоснимся от сала... 10
 И жизнь - то горяча,
 То хладна - проблистала.

А нам-то что? Мы - де...
 По миру колесим, мол,
 Как в радости, в беде 15
 Угадывая символ.

И то не грех, хотя,
 Коль рассудить по сути,
 В суть мира молотя,
 Вдыхаем об уюте, 20

Невежественно, но
 Упорно лясы точим,
 Долбя всю жизнь одно:
 Де - ничего не хотим.

31 августа 1934

8.

Не поповская начинка 25
 Про меня насочиняла,

Чисто бабочки личинка
 В недрах школьного пенала
 Выводился незаметно,
 Под зиянья грубых глоток,
 Ни газетой, ни сонетом 5
 Не обремененный. Что так
 Мой невежливый, смертельный,
 Обязательный рассудок
 Хладнокровно пучит бельма
 На пукетик незабудок? 10
 Что так не-воль-но и странно
 Озабочено сознание,
 Точно мла-де-нец по странам
 Не прогуливался с няней?
 Что так нерациональна 15
 Велика мне моя юность,
 Как в накидку, вроде - тальмы?
 Думал: сдохну, не просунусь.
 Ан нет! С любопытством вдвинут
 В щель пенала грязный ноготь, 20
 И на свет внезапно вынут
 Я - с за-пре-щением трогать, -
 Потому что шуп и гогот
 Шкуру куколки увечат.
 Труд приличен и нелегок; 25
 Мне ж равны и чет и нечет.

1 сентября 1934

9.

- Петухи ревут. - Ничего подобного:
 Пароход. - Петухи. Не спорь:
 Просто по тембру подогнано
 То, над чем живут стихи. 30
 Белая ночь - непромокаемый
 Плащ: звезды не моросят.
 Выползает на берег каменный

Стадо маленьких поросят.
 Небо, точно снятое, выпито...
 - За мое здоровье? - Ну, за твое.
 От этого распада, утери, выпада
 С земли все на цыпочки привстает. 5
 А озеро красивое? - Да не то, чтобы...
 Оно лежит в ответ небесам,
 Без фальши, акцента, пошиба...
 - Да разве я об этом не писал?
 Вот оно. И оно единственно. 10
 Будто утешенье тишины.
 Будто баланс той истины,
 Которой мы лишены.

2 сентября 1934

10.

Живые люди вряд ли дрогнут,
 /Дрожать - ни небесам, ни землям!/
 Когда прокиснет вялый догмат, 15
 Который нынче столь приемлем,
 Которым нынче /эка подлость!/
 В глаза и мысли нагло тычет
 Тот, для кого любая область 20
 Из самого себя навывчет.

Мне-то начхать! Ликуйте, пейте,
 Трубя в победные фанфары.
 Я - что ж? - смогу сыграть на флейте
 За неимением гитары. 25
 Иль спеть, а то смолчать и вовсе...
 Чтоб кто-нибудь потом: "при чем он
 Без употребленья разохся,
 Как опрокинутый бочонок"...

Нет, я твердо и безвозмездно, 30
 А также горячо и прямо,
 Скажу о том, какая бездна

На вид мила, как панорама.

Пыл метонимий и синекдох
 Охвачен подданным искусством
 Не в миг, когда дыханье не в дых
 И мозг неверностью искусан.
 Неточность "дважды два - четыре" -
 С другого бока, исподлобья.

5

Лихой пиит, привыкший к лире,
 Вдруг видит: лиры нет - оглобля!

Эх, этим длинным инструментом
 Огреть бы болтунов по спинам,
 А главного /ну, монстр! ну, ментор!/
 За дряхлость - легкой хворостиной.

10

5 сентября 1934

11.

Ветра горные синкопы
 С тупостью контрабасей
 Теребят венком икоты
 Собственное громогласье.

15

Кашу маек и футболок
 Расхлебывает прозаик;
 Выдержанный идеолог
 Вышеизложенных маек.

20

Взглянешь, будто жребий вынешь
 На юру своих позиций:
 Дивно шевельнется финиш
 Сна сквозь тапочки и ситцы.

25

Эй, разинутый писатель
 Забияк, тихонь и мошек,

Это сказано касатель-
но, ну, хоть бы женских ножек.

Это сказано особен-
но применительно к жизням
Средь ухабов и колдобин, 5
Коими в потомках взвизгнем.

Это сказано затем,
Чтоб иметь право
Выбора сквозных тем
В нашей целости дырявой. 10

1935

Ж И В П И С Н О Е О Б О З Р Е Н И Е

/Стихи 1923 - 1934/

С опушки сада
вид на землю,
зашнурованную в поля,
выплеснут в лицо мне,
как оскорбленье.

5

Гребни выпуклых пашен
играют каждым
мускулом.

Мне славно,
что оскорбленье
наносится здесь по-человечески.

10

Декабрь 1923

В гробу
 величав
 труп
 Ильича.

Взвыла тихохонько 5
 труба
 над чистым, как сотая проба,
 содержимым гроба.

Ручей толпы обмерзал,
 окунаясь в горный Нарзан 10
 величия места,
 доведенного до чистоты высот
 потрескивающими озонаторами.

В гробовые,
 заострившиеся уши 15
 безмолвных толп
 бился глуше,
 чем деревянный болт,
 трагический шопот
 маленького барабана: 20
 до последних рядов мира
 он долетал, доштопывая
 сеть славы.

А противный проныра,
 похотливо прищелкивая, 25
 судорожно фотографировал
 убегающие, шелковые
 мгновения,
 наполненные воздухом горным,
 трупом гордым: 30
 вон там
 на улицах,
 выступивших из тротуаров,
 в змеином месиве,

в морозе лютом,
о,
мертвый человек,
morituri te salutant.

Январь 1924

Довольно колбасы
ливерного благополучья:
найдется кой-что получше!
Друг, будешь по горло сыт,
когда, яму вырыв
для православных вампиров
поставишь на рельсы
свой
быт.

5

19 марта 1924

Вечер, посвященный Баху.

Там тихий Бах
 машет крыльями фуг:
 там ржут табуны
 сквозь квадратные корни тем:
 невероятно хорошенький 5
 армянский оскал
 ноздрей и губ,
 как расчудеснейший флигель
 в жилетном кармане
 уездного городка, 10
 разит непосредственно,
 даже грубо.

Бах:
 погибель мне
 захлебнуться 15
 всеми фибрами
 в органном пункте.

Французский прононс
 гобоя
 бродит лениво: - 20
 холодной курносой: -
 - а посмотри в глаза
 халде,
 склоненной над сынком?
 /пусть и незаконнорожденным/ 25
 Ластится и вьется
 гармошкой
 органа вой:
 - "на кого ты нас родимый", -
 но спокойно 30
 и деловито,
 будто бы и не впервой,
 будто бы и не теряя невинность.

Играют

сжизнесшибательные акулы;

пьет

негодный для питья

океан

5

живительные стволы рек;

лудится медь культуры:

Бах течет.

Зияющую рану

отметенного ввысь голоса

10

выводя из сознанья

хлороформом пауз,

перевязывая

бинтами синкоп,

- Бах бодр,

15

как военком,

принимающий смотр.

23 марта 1924

Пока бьет холодная вода глаз,
 затягивая сознание в неприятную глубину мира, -
 пока ночные кошки расползаются, как змеи,
 как черви,
 курами перебегая дорогу по своим теням: - 5
 - так это я,
 незабвенной второй ко всему,
 легко, как дерево карандаша под бритвой,
 поцелуями режу крепкое масло твоих губ; -
 - так это я 10
 просыпаюсь с твоим утренним потягиваньем,
 которое слышит весь мой сон; -
 - так это я
 засыпаю с беглым просмотром твоих сновидений.

Когда на цыпочках пробегает по снам 15
 длиннокудрая лошадь
 со стройной вязанкой твоего тела на спине,
 когда теперь
 орет по тебе
 рассвета крик петушиный, 20
 - я вспоминаю ветры степей,
 вбóды глаз, рек тишины.

Потому что, как тополиный пух
 в нежность зимних муфт,
 в прежние года 25
 воспоминанья перелетают,
 когда,
 мыслями махнув
 на экую даль,
 глаз слюда 30
 увеличивает детали.

Отъявленное негодяйство
 так преследовать молодую женщину.

30 июня 1924

На берег из папье-маше
валились заката косяки:
над рыбьей чешуей реки
скрипнула чайка, выгнув шею.

Серо-зеленые заводи 5
капусты, проса плес золотой,
картофельная темно-зеленость:
- готовы были загодя
стушеваться с тишиной.

Я видел: 10
жизни тонус
от стога чайки безразличной
приостановлен.

Я смотрел
на звенья лодок неподвижных, 15
на крылья каленых облаков,
на сети волн сухих, хоть выжми,
на воду серых песков.

Потом подробности картонные
тащились сухо и мертво 20
за фалдами вечера тонкого,
под звездной дружеской братвой,
над пресмыкающейся влагой;
по дряблым мускулам реки,
растягивая смелой лапой 25
панёвы тeneвых раки́т.

23 августа 1924

Серела пахучая пыль цветущей ржи
 в разбалованной солнцем низине;
 с горки были отменно хороши
 тающие вдали полей клинья.
 Срыву дергались тощие сухожилья товарного: 5
 красных вагонов подневольные звенья
 сухо трещали, облегчаясь в разбеге,
 как вытягиваемый из тайника стебель травинки летней...
 Вот, вот, совершенно так же она пришла из дальней деревни
 замотанная в послевоенное тряпье; 10
 стояла, прислонясь к пейзажу, смешная... - ну, как
 артишок -
 торговала
 - красотой ворковала - :
 "Эй, яйца, покупай по дешевке!" 15
 Чуялся голос певучий за выкриком
 грубым и неумелым, как первое любовное томленье юнца.
 Выдержанным тельцем крэмонской скрипки
 упругая статуэтка деревянной девушки разоблачалась до
 конца. 20

25 ноября 1924

Э. Гофман.

Белобрысым локоном,
выбившимся из-за громадных глаз,
опечаткой водного барашка в тишь,
жидким осколком месяца
вскипала худенькая весна, 5
вечером схваченная в губы,
перепуганная -

- ишь ты!

- весна!

Качался полноводный воздух 10
в набухающих баржах
деревьев, разохшихся за зиму.

Вечер, бледный как спаржа,
немецким, романтическим, ливерным пальцем
опечатывал веселые рты, 15
чтоб по саду, едва осязаемому,
смех наш не раздавался.

Мы сидели в саду на скамейке
- мертвым мертвы, -
далеко, легко 20
на весенние спозаранки вынесенные,
как на погреб парное молоко:
- в нас юность наставилась.

3 декабря 1924

Когда, чорт его знает откуда,
 валится ветер,
 прыгая с берез, с берега
 на воду реки, -
 - первый, так сказать, жест: 5
 всюду кокетливо
 выправляется кружево манжет: -
 - пена волн, листьев изнанка,
 женщин взвизги, осанка мужчин.

Мне боязно, что будет скормлен 10
 сразу весь запас свежести,
 что ветру, зарвавшемуся в высочайшем бешенстве,
 трудно разобраться в хлороформе
 всех этих доскональных для нас вещей;
 мне боязно, что мы - в своих тарелках - 15
 не легки на подъем ко внезапным грозам,
 что вообще: -
 - по овчинам зелени застарелой
 бежит развевающийся рыжий лозунг.

15 декабря 1924

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ

От лихоманки: "мамаш, чайку!"

Разменивает руки на экю.

Друг, успеется объевропентиться.

Не забывай, что ведь так же

Солнечный луч перебирает

5

Лакированные внутренности

Полуперетрепетавших

Вояк, затянутых в войну

Сударей, герров, мсьёв... А, ну!

Назад откидывая, как волосы,

10

Года за рукописью Нестора,

Тоненьким, домотканым голосом

Поит флейта волну оркестра.

Эх, брат мажор, каково тебе

Греметь в тисках С. Прокофьева.

15

Держись. Выноси. Хоть бы

Гамом гамм жар его, любовь его.

Когда ж домучивается оно,

Несусветное тело музыки

Его, - с прочностью гипотенузы

20

Кипит мной, говорит - мной.

30 марта 1925

Ты льешься, прелесть моя, свинцовое небо,
Помесь эфира с землей, андрогин.

Ты кинулось бойко к заставе московской,
К полям потешным, к подветренным псам,
К хвосту города больничной архитектуры, 5
К саду нащупанному дождем.

Весело насвистывая мазурку,
Ветер шлепает возмутительные стада.

Безмозглая городская свинья на рельсах
Отважно хрюкает пред самоубийством. 10

Плачет Орфей, в узелок скитанья пакуя:
Фи, плачущий мужчина, нюня, смешно!

Почтенные гуси, индюшки и многое другое,
Неудачники кастрированной судьбы,
Совсем не для вас восходят семафоры 15
И я бряцаю.

О, восхитительная жизнь!

Ноябрь 1926

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Пока над вами светит солнце - радуйтесь.
 А мертвым счастья и богатств не надобно.
 Эсхил. Персы. 841-842.

Солнце - матью -
 Нравоучительствует
 Здраво и материалистично.

Месяц - Пантелеймоном
 Качается 5
 Укоризненно и елейно.

Живой разлив
 Почек, листьев, лепестков,
 Веток, цветиков, злаков,
 Трав, корней и былинки. 10

Душистый винегрет
 Мелкопоместных и владетельных
 Овощей и корнеплодов.

Сочная тяжесть
 Отставных плодов. 15

Потомственное разложение
 Осунувшихся цветов.

—
 На условленных местах
 Нетерпеливо комсомолятся девченки
 Или нервничают пареньки, 20
 Запоминая влюбленными телами
 Разнообразные процветанья.

По солнцепекам С полей тащатся дачницы, Уткнувши точеные носики В неудобные букеты.	
В садах Стайки сорванцов Наскоро набивают постные брюшки Неустороженной добычей.	5
От опушек Тянутся оравы детворы, Хозяйственно согнутой Под грибным грузом.	10
По рынкам Вдосталь удобренные хозяйшки Выкатывают острые глазки На отлежавшееся богатство.	15
У приятелей Семейные ответственные работники Штурмуют тепленьких капризниц Щедрыми великолепьями Иностранных вкуснятин.	20
На перронах Клетчатые джентельменки Плотоядно фыркают В охапки мертвых мертвецов.	25
С кушеток Только что отлюбленные нэпячки Удовлетворенно растопыривают ноздри На подвластные цветники.	

Буйное вундеркинство тополей;	
Угарная острота черемух;	
Утрированные колпачки каштанов;	
Шершавые подмышки бузин;	
Земляная сочность сиреней;	5
Огуречная свежесть жасминов;	
Легонькие крылышки шиповников;	
Ювелирные подвески боярышников;	
Озябшее шушуканье осин;	
Льстивые диваны ив;	10
Темная гордость ольх;	
Узорчатая горечь берез;	
Ржавые ноги рябин;	
Крепкое шуршанье дубов;	
Сухая разморенность сосен;	15
Просмоленая прелость елок;	
Непролазные заросли орешников;	
Сладкая гарь лип.	
Поднебесный простор сена;	
Меховые сугробы мхов;	20
Добродушные своры репейников;	
Шерстяные веера лопухов;	
Вспыльчивые стаи крапив;	
Пряные горлы дягилей;	
Ситцевые куколки мальв;	25
Укромные рюмки повилик;	
Китайские зонтики анисов;	
Прислушивающиеся головы подсолнечников;	
Связное перестукиванье камышей;	
Стераиновые фарфоры водяных лилий.	30
Акварельные кулачки кувшинок;	
Медовая сырость незабудок;	
Багровые макушки конских щавелей;	
Трепещущий бисер богородицыных слезок;	
Растрепанные конуса петухиликуриц;	35
Пушистые мизинцы тимopheевок;	

Лимонные огоньки лютиков;	
Обгорелые головешки одуванчиков;	
Пролетарские созвездья матрешек;	
Солнечная лекарственность ромашек;	
Колыбельная безвольность колокольчиков;	5
Зубастые гирлянда мышиних горошков;	
Двухголосная пестрота ивандамарий;	
Открытые ранки гвоздик;	
летние небеса цикориев;	
Финиковые косточки хлопучек;	10
Бенгальское пламя чертополохов;	
Острые зубки маргариток;	
Интимная нескромность ночных фиалок;	
Щетинистые брошки полевых астр;	
Раздутые ноздри львиных зевов;	15
Липкие язвы дрём;	
Театральные капоры кашек;	
Выцветшая ветхость бессмертников;	
Суховатый мед васильков;	
Пыльная хина полыней.	20
Скромные елки ржей;	
Полные косы пшениц;	
Усатые хребты овсов;	
Дурмящая вялость коноплей;	
Отяжелевшие султаны просов;	25
Поджаристые брызги гречих;	
Голубоглазые жилки льнов;	
Пышные усы ячменей;	
Стеклянные бусы смородин;	
Карамельные пузики крыжовников;	30
Мокрые губки малин;	
Бликие глаза вишен;	
Выпуклые лбы клубник;	
Загорелые лысины яблок;	
Отекшие окорочка груш;	35
Распухшие гланды слив;	

Веснушчатые носики земляник; Выдавленные капли костяник; Пресное сусло черник; Горьковатые пригорки брусник; Раскаленные ячмени волчьих ягод; Вяжущая сладость можжевельников.	5
Прыщавые нарывы мухоморов; Влажные струпья поганок; Сырые пузыри дождевиков; Гончие подпалины зайчат; Рыжие лилии лисичек; Вылупившиеся шишки шампиньонов; Карапузная спесивость боровиков; Крапленные стволы подберезовиков; Бесстыдный приапизм подосиновиков; Сопливые толпы маслят; Разноцветные блюдца сыроежек; Мохнатая мертвенность груздей; Крепкие уши рыжиков; Скользкие болванки кулаков; Продрогшие пучки опят; Дешевая крепость сухарей; Розовая фланель волнушек.	10 15 20
Скрипучая пышнота капуст; Ревматические опухоли картошек; Деревянные кубари реп; Лошадиные коленки свекл; Ядреные корни морковей; Хрупкие шелка луков; Обдрипанные миноги петрушек; Помойная доблесть редек; Детские трупики спарж; Девичья старость редисок; Тупая талантливость огурцов; Морская свежесть укропов; Крепкая непристойность хренов;	25 30 35

Напряженные груди бушм;	
Свинные туши кормовых свекол;	
Здоровенные вымена тыкв.	
Холодные ляжки дынь;	
Футбольные ядра арбузов;	5
Мускулистые волокна ананасов;	
Мозолистые комья гранатов;	
Потрескавшиеся губы апельсинов;	
Ликерные язычки мандаринов;	
Ватные шейки бананов;	10
Аппетитные ягодицы персиков.	
Сладкий пот резед;	
Горькая свежесть астр;	
Грудная сладость роз;	
Мягкий перец левкоев;	15
Пленная томность табаков;	
Картофельная юность вербен;	
Уездный яд бархаток;	
Плакучие метелки мят;	
Податливые щеки маков;	20
Медузьи прически георгинов;	
Нежный батист душистых горошков;	
Узорные лапы папоротников;	
Огненные бокалы лилий;	
Епархиальная наивность аютиных глазок;	25
Надушенные чепчики гелиотропов;	
Гусарская пустота пионов;	
Кружевная мякоть гвоздик.	
Пустые кусты азалий;	
Любопытные мордочки альпийских фиалок;	30
Бескровные щупальцы хризантем;	
Выдохшиеся ладони персидских сиреней;	
Непристойная распущенность тубероз;	
Изнасилованная бледность лилий;	
Мясистая вонь гиацинтов;	35
Ненасытная извращенность орхидей;	

Шикарные махры гортензий;
Обнаженная теплота мимоз;
Важная безуханность тюльпанов;
Чахоточные свечи нарциссов;
Недоношенные щепотки подснежников;
Коротенькие горсточки фиалок;
Восковые фигурки ландышей;
Da caro al fine.

5

13 марта 1927

Н. Э. Р.

Эй, вы, кропатели стихов,
Трамбовщики мирских кручин,
Заики следствий и причин,
Есть повод петь от пустяков.

Ведут младенцев из садов. 5
Трубит в отряде пионер.
Домой торопится школяр.

Наивно, как в машине пар,
Как оттопыренный амур,
Сквозит органнй плеск микстур. 10

Я вижу в жидкое окно,
Как по небу бежит вино,
Как солнце треплет космы труб,
Как тает старая листва.

Раскинув средь своих затей 15
Костром древлянским мавзолей,
Сопит младеница Москва.

Здесь гражданин, - велик иль мал, -
Бежит своей тропой звериной
К той, чей голос снегириный 20
Хрупко в трубке ворковал;

Чей отточенный, столярный,
Ладный шелест ног и рук
Растрепался в трепет парный
Губ, все время пьющих звук; 25
Чьи капризные /в джаз-банде/
Молодые корки плеч
Нависали о Роланде
Фразы вежливые печь.

28 октября 1927

ДУЭТ

Джурун, дружище, ковыль
 В пыли охвостков Колчака.
 Пи-ить! - колодцы отравленные
 К солончаку от солончака.
 Пи-ить! - ветер в осень 5
 Макается дохлятиной.
 Хоть бы снег что ли выпал
 Срамоту прикрыть.
 И снег взялся и пыль впилась
 В гнилые тесты тел; 10
 Мороз угнал червей из глаз
 И ветер в них свистел.

Сюда, в забитые места,
 Въезжает полутруп:
 Он хочет жить, он хочет стать 15
 Владельцем масл и круп.

Но вошь погложет новичка,
 И сможет смерть поспеть;
 Трухлявые окорочка
 Развеет ветер в степь. 20

Гречанка с гречневой косой,
 Ты помнишь этих нас?
 Они стояли пред тобой:
 И пыл взялся и страсть вилась
 С жиров бараньих; 25
 И мы смертями отражались
 В глазах байроньих.

29 октября 1927

Прожорливый, задыхающийся паровоз,
- Атавизм девятнадцатого века, -
Волочит гремучий хвост;
Пароходишка запузыривает
По сырой, купальной воде; 5
Ливерный, неуклюжий цеппелин
Тяжеловесно обманывает воздух;
Аэроплан изящно пасет
Сконденсированные табуны сил.
Окрестность набухшая, как опара, 10
Заветней, чем пах,
Раскидывается просторным,
До злости зеленым ферматом.

6 апреля 1929

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1.

Солнце порхает по галерке.

Головка зала, налитая оркестром,

Обличилась электричеством.

Похотливо демонстрируется эксгибиционизм Чайковского.

Контрабасы - заплечных дел мастера, -

5

Брюзжа, выдаивают воловые жилы.

Молодчики с вывихнутыми шеями

Беспощадно онанируют пищащие тельца.

Выползают и копошатся в клубке

Черви виолончелей и альтов.

10

Заплеванные флейты отыскивают укромные уголки

Для отправления естественной надобности.

Обсосанные, гундосые гобои

Развратно предлагают услуги.

Английский рожок, изредка излагая впечатленья,

15

Старается расхлебать заваренную кашу,

Сдобренную сливочными голосами кларнетов.

Фагот задумчиво и ворчливо чрево вещает,

Сообщая, собственно, своему соседу - не к делу относящееся:

- "Эх, Кларней Гобоич, опять Вы"...

20

Медь в паузах - торопливо выливает под себя

Слюни, напущенные в звучные кишки.

Апоплексически надувается туба,
Сжавшая игрока удавьею хваткой.

Тромбоны конвульсивно отмеривают
Волосатые, задние звуки.

Валторны андрогинами воркуют,
Щекоча, доводят оркестр до оргазма.

5

Трубы хладнокровно сдирают шкуру
С подопревших тактов партитуры.

Шайка-лейка хулиганских корнет-а-пистонов
Похабно задирает подол встречной арфе,
Которое притворно рыдает,
По-вдовьи радуясь учиненному бесчинству.

10

Смачно рыгают буржуйные пузы,
Внимательно выслушиваемые литавристом.

Булькает, кудахчет, волнуется
Вкусное сердцебиенье ксилофонов.

15

Триангль иль исподволь позванивает,
Как доехавший до отказа ремингтон,
Иль пуцает высокую трамвайную трель.

Большой турецкий инвалид
Выпячивает мозолистое бельмо,
Юродствуя: "Вдарь, вдарь, вдарь!?"
- "И вдарю". - "А еще?" - "И еще".

20

Маленький барабанчик рвет зубами полотно
Иль шепчет, пробираясь горячими ушными каплями.

25

Там-там - апокалиптическим зверем -
Вцепляется в горло каждому "струменту".

Воспаленное дребезжанье тарелок
Завершает совокупленья звуков.

Сам себе зубы заговаривает
Раздосадованный рояль.

Григорий Пирогов, разбитной что банщик, 5
Благочестиво блюет и портит воздух
Искренними экскрементами лошадиного вокализа.

Конфиденциально молчит орган,
Укутанный в пустые меха.

Паралично и экспансивно дрыгается дирижер, 10
Пытаясь символической мимикой разоблачить автора.

Публика уныло наблюдает
За происходящим безобразием.

2.

Дирижер вползает, как огонь,
И в просторном дыме внезапной тишины 15
Колелблется по залу, рябит в глазах,
Поджигает оркестр, хватает под уздцы
Разъяренную сюиту Баха.

Голос каждого инструмента
Доверчиво любит существованьем. 20
Дружески сплетаются звуки,
Вознося стройное зданье.

Каждый кусок синтетичен
И на слуху, как на поводу,
Ведет к любому воспоминанью, 25
К любой точке эмоции.

Ты будешь жить. Я умру.
Мы перестанем существовать.
Не грусти. Это - грустно,
Но это - участь и твоя.

Милой, как родимое пятно, 5
Той, что тебе вкусна,
И плачет от твоего письма,
- Точно с ней с одной, -
Не повторяй никогда,
Что ты ее... умрешь, 10
Она заснет, отгадает,
Как ее не любишь ни крошечки.

И прохладный твой, твой бромо-серебряный,
Твой засиженный мухами... "Дальше?"
... Она наверно нервная, 15
Сердце, легкие... "Даже,
Даже, если б это было и так:
Ты умрешь. Я поживу.
Мы перестанем суще..."

19 апреля 1929

УРОК КОНТРАПУНКТА

/Иллюстрация к "Музыкальному обозрению"/

Породистая мелодия доит
 Любую мысль,
 Как вираж на тонком слое
 Потенциальной эмульсии.

Смотрю на мир, 5
 Который - которым
 Мной - я
 Живет - живу.

Так же, как от девок, сознательно эксплуатирующих
 свое сырье, 10
 Дающих стервецам на краю опасности венерического за-
 болеванья, -

- До жен в стойлах;
 Так же, как далекой конницей по камням
 Скачет звон ключа в замке 15
 /Ручейки в замке/ -
 - Поворот, поворот - и скрылась за последним;

- Улица легонько отрыгивает
 Развесистого, как слюни, хулигана.
 Соединенье трусости с озорством 20
 Надавало ему по морде и по шее.

Трогают его аль нет,
 Заходит он вонять
 В вегетарьянские столовые.

Потный взгляд его 25
 /Тот самый в который, в рыбий/
 Оскорбителен и нерационален,
 Как две плевательницы рядом.

Он возводится в степень вышибалы, банщика, маркера,
крупье, гинеколога

И Дон-Жуана.

26 сентября 1929

ЖИВАЯ КАРТИНА

Мы все проходим сквозь
 Слишком изъяснимую гибель хандры,
 Друзей, сердец и мн. др.
 Братишка, елозь не елозь,
 А положенье безнадежно, 5
 Не описать словами,
 Сколько в ём риску:
 Впору камфору впрыскивать
 Паллиативу существованья.

Удивительно и неосторожно 10
 Рассвет, масляный что селезень,
 Расползается дуновеньем колючим.
 Хмуро заигрывает зелень
 С обрастающим благополучьем.

Но во всю глотку небеса звездарезнули 15
 По маленькой земле, где табак, тьма, зелень, левкой,
 На встречонку социальнополезную:
 Дык: штэрншнэйдензи рота - legn-koi!

Куда, сударь, изволите
 В должность ходить? 20
 Я? - /туда - сюда/ -
 Был в ней в Ленинграде:
 Если позволите!?

Деревья сдержаны
 Высокой широтой. 25
 С удалью небрежной
 Босоногой верховой
 Несется к набережной,

Очумел, что ль, вздумал
Несуразное: с трамплина
Через Неву сигануть
На Васильев остров;
Иль выехал 5
Паренек попоить коня.

Гвардейская инструкция фронтомов
Корчит исторические мины,
Но говорит за себя тем, что она
Не халтурна и современна. 10

Чухонские укусные псы
/Куусинен - укуси - меня/
Коробятся перетянутыми мордами.
Я б дожил тут без оплеух,
Надованных купцам и дегустаторам 15
Елагиных мостов и островов.

Уютный и широкий пейзаж,
В корне противореча расейской лени,
Адекватен русской культуре:
Не щаным козлом да вшивой редькой воняет, 20
А Радищевым, Пушкиным, Герценом да Лениным
благоухает.

23 мая 1930

Вот так октябрюта, брята,
Рята, ята, та...
Превосходные ребята:
Просто красота.

В школе учатся, как звери,
Вери, ери, ри...
Хорошо, по крайней мере,
Что ни говори.

5

Дома тоже не зевают,
Ваут, аут, ют...
Всем вокруг надоедают:
Тут, и тут, и тут.

10

На дворе собачку, бачку,
Ачку, чку, ку, у...
Как увидят, - к ней вприскокчу:
Будь, мол, начеку.

15

Кошечка, ошечка, шечка,
Ечка, чка, ка, а...
Молодого человечка
Тожe побаивается слегка.

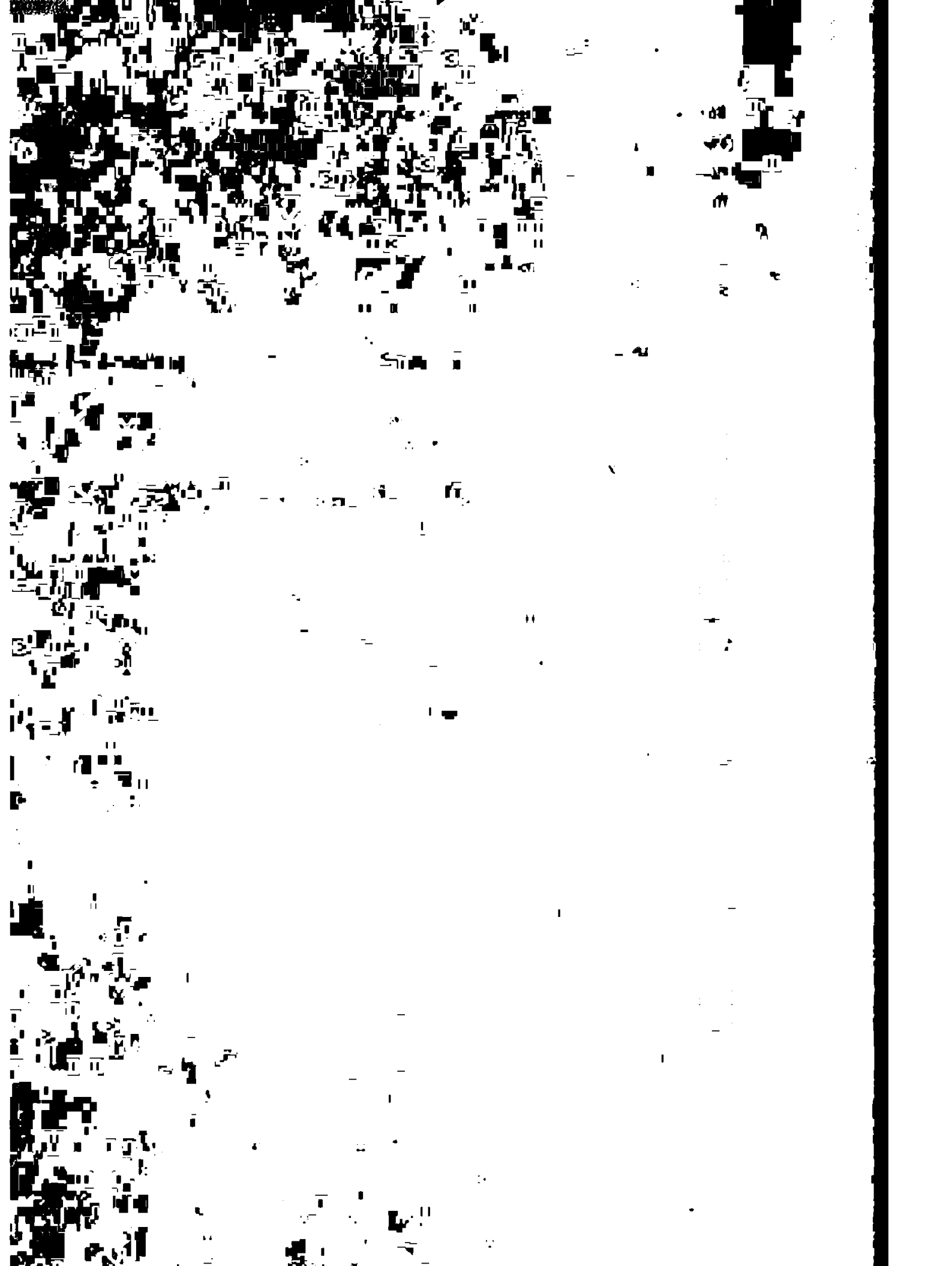
20

Что за октябрёнок, брёнок,
Рёнок, ёнок, нок...
Мал да мил, а голос стонок,
Звбнок, как звонок.

Будь же счастлив, октябрюша,
Рюша, юша, ша...
Жизнь твоя вкусна, как груша,
Очень хороша.

25

1934

У С Т О Й Ч И В О Е Н Е Р А В Н О В Е С Ь Е

/Стихи 1947 - 1949/

ОБРАТНО

Сирены непристойно вой:

Он близок чем-то гнусным с подлецами.

Блистанье ночи теневой -

Прожекторов немое восклицанье -

Тяжелым золотом любви

5

Сжимает сердца жесткий самородок:

Ей не мешают холуи

В пазах общественных перегородок.

Остановился человек,

Глубоко впитывая даль глазами.

10

Мякны и небес стратег -

Недвижен. Ветр шевелится в азяме.

Взгляд византийского письма,

Которому наверно все обрыдло,

Морозит легкая зима.

15

Землицы украинское повидло

То раскисает, то хрустит

В предчувствии победного рекорда.

Ее захватывает вид -

Понур, как лошади усталой морда:

20

Лежит коричневый овраг,

Раззяванно язвящий всю округу.

... Чего не должен знать твой враг,

Того не доверяй и другу...

О, ноченька! Тебя ведет конвой,

25

Твой антураж с поличными здесь изловлен.

Блистанье ночи теневой

Орет прожекторов безмолвьем.

Апрель 1947

МЕДАЛЬОН

В войне обязаны солдатские штаны
 Иметь стандартный часовой карманчик:
 Последыш там для матери, детей, жены, -
 Свидетельство, жестокое, как мальчик.

Припоминать, напоминать, запоминать 5
 Не нужно этой подлости звериной:
 Могла всю кладь и стать назвать по именам
 Судьба бойца под ломовой сурдиной.

Качая звук, как будто взятый под педаль,
 Гудят небес негромкие раскаты: 10
 Визгливым воем раздираемая даль
 Упрется в точку - и мертвы солдаты.

Подкрадываются, карабкаются вверх
 Глиссанды флажлетов в малых нонах:
 Незримо вспыхивает черный фейерверк, - 15
 И кровь течет по саблям трав зеленых.

И все-таки он жил: смерть в медальон ввинтя,
 Прошел беспечно по кровавой тюре.
 Ура: так так с огнем шутящее дитя
 Всегда весомо в мировой культуре. 20

Апрель 1947

ПОХОРОНКА

Он лежал не один: шевелилось внутри и вокруг
 В жизнерадостном трепете разнообразное тленье.
 Он постиг, он проведаль; попав под солдатский какюк,
 Он стал частью родимой ландшафта, земли и растенья.

Плугом врезался в землю разорванной пушки лафет; 5
 На ничейной поляне качались высокие травы;
 Новый, смиренный жилец, ежесуточным солнцем прогреет,
 Обживал обыденность необыкновенной оправы.

И шаги раздались, и солдат подошел к мертвяку;
 Взял кисет, что лежал в стороне; усмехнулся невзрачно,
 Постоял, поглядел, неспеша завернул табачку;
 Еще раз ухмыльнулся мужчина недобрый и мрачный.

И батальные сцены с Гомера до наших времен,
 И подробности старых картин и позднейшие фрески
 Пробежали в сознании свидетелями похорон 15
 Непонятно и чуждо, как надпись по-древнееврейски.

На войне, на войне, на войне, на войне, на войне,
 Надо счастливу быть, чтобы так умереть превосходно.
 Чтобы трупом вполне уцелеть, надо счастья вдвойне,
 Так как будет так точно, как случаю будет угодно. 20

Мысли хуже не стали и легче не стал карабин,
 Когда двинулся прочь брат-солдат, утомленный и тощий.
 Поминай высоту двести тридцать один ноль один,
 Где, сражаясь с фашистами, пал неизвестный близ роши.

Май 1947

ЯЗЫК

Мы живем в безвоздушном пространстве,
 Не крича, не шепча, не дыша...
 А попробуй, по жизнью постранствуй
 Странной переступью антраша.

Все повадки и навыки лисьи 5
 Израсходованы меж потреб,
 А большие и чистые мысли
 Не годятся к обмену на хлеб.

На соседей оглядки бросаючи, 10
 Под оглядками ближних бредя,
 По-людски, по-собачьи, по-заячьи
 Подставляем умы для бритья.

Брейте, перебирайте, стригите,
 Укрощайте, карнайте, обтрясывайте,
 Чтоб бессмертных сдержать на граните 15
 Воплощенных мечтаньиц о паспорте.

Что ж это происходит? повидимому,
 Как на чей, а на бережный взгляд -
 По-тоскливейшему, по-обыденному
 Нам приказывают и велят 20
 наших горестей писк комариный,
 наших болей удержанный крик...

И виденье казненной Марины
 Кажет высунутый праязык.

Июль 1947

СВИДЕТЕЛЮ

Средь разного рода лишений
Единую знаешь поживу,
Которая в центре мишени:
Быть живу, быть живу, быть живу.

Очнись, отряхнись и ответствуй 5
Насупленному супостату,
Что мысли греховному месту
Быть святу, быть святу, быть святу.

Но помни, не гневаясь впрочем 10
В ответ на позорную тему,
Что лучше тебе, как и прочим,
Быть нему, быть нему, быть нему.

Прищурясь, посматривай: эго 15
Досталось в наследье к беспутству
Свидетелю нашего века
Быть слепу, быть глуху, быть пусту.

Январь 1948

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Э. В. Г.

1

Вымают, с ходу трепеща,
Аккордеон из-под плаща:
Воняет плащ резиной.

Аккордеон новехонек:

Он принесен разиней, - 5
Тем, что похож на окуня,
Тем, что сейчас разинет
Всю пасть аккордеонову,
Тем, что под розовой осиною
Завоет песню по-нову. 10

2

Осенняя осина -
Дешевые дрова -
Не сукина ли сына
Под тобой голова?

Твои, матушка, корни - 15
Заветный твой покой -
Затаптывает ерник
Чечеточной пятой.

Не верь словам Шульженки,
Русланиху души: 20
Они снимают пенки
Со всей твоей души.

3

Эй, Митюха, эй, Алеха,
Жить на свете вовсе плохо...

Наша жизнь - крошево:
Ничего хорошего!

Чтоб прожить на свете хитром,
Сбегай, Ванька, за поллитром,
Не забудь закусточки - 5
Квашеной капусточки.

Мы водочки выпьем-выпьем,
Из макушек горе выбьем:
Не вяжись веревочкой
За веселым Вовочкой. 10

У нашего у Володи
Сапожки не по погоде...
Целу ночку нынечко
Спать Володьке с Ниночкой.

Ох-ти, ах-ти, эх-ти, ух-ти, 15
Ух-ти, тухти, берено-лахухти, -
Наша совесть девичья
Застоялась давеча...

Эка Катя, Катерина,
Терина-Катерина, 20
В ей порода материна,
Можешь быть уверена!

4

Не верю я. И ты не верь.
То - тетерев зовет тетерь.
Не трожь. Не кличь. Не вырони, 25
Прилип, не денется теперь,
И перья растопырены.

5

Завернулась веером
За поляной рощица;
Ветерок-несеверен -
Меж ветвей полощется;
Пепельному солнцу в поле
Сетуй о плакучей доле;
Над березой - что разлукой -
Легкой памятью аукай.

5

Январь 1948

ФИЛИН

- Кроя слова и так и эдак,
 Я объяснить порой бессилён:
 Какой концепцией разведок
 В ночи угукаю, как филин,
 У чьей мечты на поводу, 5
 Как заколдованный, бреду,
 Что - клятвенно, как на духу -
 Вверяю своему стиху.
- Все склонны наполнять окрестность
 Трезвоном личных колоколен. 10
 Вполне понятна неуместность
 Того, кто здоров, среди тех, кто болен.
 Невьяснено: ко двору ль
 Направлен брэнной жизни руль,
 Нацелившейся в пустоту 15
 Под гвалт - "ату ее, ату!"
- Но если строй нутра целебен,
 Какая может быть обида:
 Пусть распускается молебен
 Над тем, что врочет панихида, 20
 Ещё пищащим на бегу
 Ревниво-мудрое "агу",
 Ещё воркующим "уа"
 На тон загробных ампула.
- Угрюма ночь. На вихре свежем 25
 Слетаться б чумам и проказам.
 Кастрирован и обезврежен
 Весь, даже самый малый, разум.
 Того гляди, загаснет уж
 И кроличье дрожанье душ... 30

Могешь ли ты? Могу, могу
Сиреной выть в ночи "угу-у!"

Январь 1948

ПТЕНЧИК

Средь обывателей, талантов, пьяниц,
 Тупиц и гениев висит гнездо,
 В котором каждый птенчик - иностранец,
 Пришпиленный к подолу Виардо.

Нет ничего колючее и злее 5
 Рулады вялой ежедневных гамм,
 Проложенных небрежно по аллее,
 Ведущей непосредственно в твой храм.

Торчмя торчит глававый набалдашник 10
 Слепого разума двуногих злюк,
 Которым сор идей позавсегдашних
 Сегодня обезвредить недосуг.

И в магии таинственного слова, 15
 Клеймящего узлы разлук и встреч,
 Полна значенья самого простого
 высокая значительная речь.

Апрель 1948

НЕЛЮДИМО

Е. А. Б.

Нелюдимо наше горе:
Одиночество, как тьма,
Обживается тем скоре,
Чем слабей огонь ума.

Нелюдима радость наша: 5
Бред угрюмый, сон больной...
Жизни выпитая чаша -
Бесприютный непокой.

И когда проходит мимо -
Ни обычно, ни ново - 10
Наше счастье: нелюдимо,
Потому что нет его.

Сентябрь 1948

ОТСТАВШИЙ

Е. А. Б.

Незабвенная Кумса ^{х/} , Нашей памяти краса, Поседевшей пеной метя Плюшевые валуны, Выкликает междометья Мутным шелестом волны.	5
Я вас вижу, помню, слышу, Знаки стряхнутой судьбы: Под соломенную крышу Своевременной избы Вы летите, воя ровно, Будто плача, глядя словно, Шевеля большие бревна Неуклюже, как гробы, И внезапно у плотины, Зашумев еще грозней, Оставляете меж тины В прядях скользкой паутины. Зелень мертвенных костей.	10 15
Что это вы? нате, нате Снов трухлявых костяки! Выдавая пустяки Милой реченьки-реки, Посередь слепых занятий Ветви памяти клоня, В десять тысяч раз мохнатей, Чем вожак лешачьей знати, Посмотрите на меня, Во сто тысяч раз угрюмей, Чем испод моих раздумий, Погасите очи дня, - Все равно, не быть нам в горе	20 25 30

^{х/} Речка, впадающая в Онежское озеро.

Меж неведомых историй,
Где поет "cemento mori"
Пушек дряблая ручня.

Май 1949

ПРИМЕЧАНИЕ К ОРФОГРАФИИ ТЕКСТОВ

Публикуемые в настоящем издании стихотворения Оболдуева сверены по оригиналу. В своих стихах Оболдуев нередко отступает от орфографической нормы, поэтому ниже приводятся места, где эти отступления основаны на рукописи. Указываются страницы и строчки.

- Стр. 17, 33: Робята просят наружу
 Стр. 25, 6: Хлев наш насущный
 Стр. 26, 12: Вот суккина... "Да вы, чего лаетесь
 Стр. 27, 2: Как вся тут без останка
 Стр. 27, 17: Как и другие дивчаты
 Стр. 29, 13: Тебе катаю. Посмотри:
 Стр. 48, 14: Постройки чесного социализма
 Стр. 48, 18: рахитичный ребёночек ме-
 Стр. 66, 14: И вспатела-то вся
 Стр. 73, 7: Дямочкам, сосущим с голоду стих:
 Стр. 73, 12: /Ах, как вы грюбы, Гёргий Николаевич!/
 Стр. 81, 9: Чтoб к концу пятилетки повстречать ее ребятой
 Стр. 88, 9: Идите в звязду. Звизда?
 Стр. 93, 23: Слишко много меня
 Стр. 96, 2: О том благодушном пастушеском собаке
 Стр. 107, 10: На пукетик незабудок?
 Стр. 128, 16: Просмоленая прелость елок
 Стр. 128, 35: Растрепанные конуса петухиликуриц
 Стр. 129, 7: Двухголосная пестрота ивандамарий

БИБЛИОГРАФИЯ

Публикация произведений Г. Оболдуева

- "Скачет босой жеребец..." Журн. "Новый мир", 1929, № 5.
- Театр. (Рассказ). Альманах "Волга", Саратов, 1943, № 1, стр. 23 - 25.
- Серый взор. Газ. "Московский комсомолец", 7 апреля 1967. То же: в сб. "Песнь любви", Москва, "Молодая гвардия", 1967, стр. 288 - 289.
- Осенний лес. Свет и тьма. Насечки. Сб. "День поэзии 1968", Москва, "Советский писатель", 1968, стр. 186.
- Октябрюта ("Вот так октябрюта, брята...") . Журн. "Колобок", 1969, № 2.
- Насечки. Осенний лес. Солдат. Публикация Е.А.Благининой в сб. "День поэзии 1978", Москва 1978, стр.216.
- Буйное вундеркиндство тополей. Свидетелю. Журн. "Ковчег" № 4, Париж, 1979, стр. 65 - 68.

Отзывы и заметки о жизни и творчестве

- Е. Благинина. Стихи, которых нет. (Цикл стихов памяти Г. Оболдуева). В кн.: Елена Благинина. Окна в сад. Москва 1966, стр. 65 - 82.
- В. Португалов. Егор Оболдуев. В сб. "День поэзии 1968", Москва 1968, стр. 18.
- Вл. Глоцер. Оболдуев, Георгий Николаевич. "Краткая Литературная Энциклопедия", Москва 1968, т. У, стлб. 362.
- Л. Озеров. Георгий Оболдуев. В сб.: "День поэзии 1978". Москва 1978, стр. 215.
- Л. Чуковская. Из книги "Записки об Анне Ахматовой". В сб.: Памяти Анны Ахматовой. Париж 1974, стр. 110.

Составил О. Последович

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Можно ли себе представить, что существуют поэты, почитаемые знатоками и любителями поэзии, хотя опубликовали эти поэты за всю свою жизнь всего лишь несколько стихотворений? Признанные поэты, чьи творения до сих пор не могут достичь читателя из-за трагических обстоятельств в биографиях этих поэтов? Поэты, которых и после смерти полностью замалчивают? Мы об этом знаем, но представить себе почти не можем. В Советском Союзе, где художественная литература подчинена политике, где любая публикация зависит от политических обстоятельств, немало таких судеб.

Вот одна такая судьба: поэт Георгий Николаевич Оболдуев (1898-1954). Его знали многие. На его похоронах была и Анна Ахматова. Но при жизни он сумел опубликовать лишь одно стихотворение - в 1926 году, и в 1943 году - рассказ. Лишь двенадцать лет спустя после его смерти, в 1966 году вдова поэта Е.А. Благинина смогла напомнить о нем в советской прессе. С тех пор в Советском Союзе были опубликованы всего шесть стихотворений в различных альманахах и журналах.

Я, как издатель серии, в которой печатаются произведения Оболдуева, весьма рад, что получил возможность вырвать этого незаурядного писателя из многолетнего замалчивания. По имеющимся сведениям, публикуемые ниже стихотворения являются собранием наиболее совершенных произведений поэта, а не случайной подборкой, так что и любители русской поэзии, и литературоведы получат возможность составить полное представление об Оболдуеве как о поэте. Мы должны быть благодарны друзьям Оболдуева, которые долгие годы (десятилетия!) хранили его произведения и нашли путь к публикации в нашей скромной научной серии.

Как указывает приложенная к данной книге библиография (стр. 163), только четыре литератора, кроме Е. Благиной, смогли опубликовать кое-какие свидетельства об Оболдуеве. Из-за малодоступности этих текстов привожу те отрывки, из которых мы узнаем факты о личности и жизни автора, расширяя этим предисловие составителя, который приводит текст из Краткой Литературной Энциклопедии (1968) и сообщает о том, что отсутствует в советских публикациях по цензурным причинам - о пребывании Оболдуева в лагерях, ссылке, тюрьмах.

Валентин Португалов в 1968 году в своей статье дает такую биографию Оболдуева: "Это поэтическое имя мало кому известно. Родился Егор Николаевич Оболдуев 6 (19) мая 1898 года в Москве. С раннего детства очень полюбил музыку и учился играть на фортепьяно. В 1916 году, окончив гимназию, поступил на фило-

софский факультет Московского университета. Однако учиться там ему почти не довелось: Вскоре после Октябрьской революции он вступает в народную милицию, а в 1919 году призывается в Красную Армию. Служа в 19-м тяжелом артдивизионе, он побывал на Украине и в Туркестане на фронтах гражданской войны.

После демобилизации Егор Николаевич работает в Госиздате в качестве заведующего хранилищем клише, потом в Партиздате и Профиздате - выпускающим, в газете "Гудок" - техническим редактором.

Стихи писать Егор Николаевич начал в 1919 году, но жизненно необходимой поэзия стала для него с 1922 года. Как раз в это время он познакомился с поэтами Иваном Аксеновым, Сергеем Бобровым и Иваном Рукавишниковым, оказавшими на него огромное влияние.

Учась, одновременно с работой, в Высшем Литературно-Художественном институте им. В.Я. Брюсова, Егор Николаевич сблизился с многими молодыми, начинающими тогда, литераторами: К. Андреевым, И. Пулькиным, Б. Лапиным, Ст. Злобиным, М. Поступальской, Е. Благининой и другими. В Хлебном переулке, в квартире Оболдуевых, всегда было полным-полно литературной, музыкальной и артистической молодежи, вечно кипели споры, читались стихи, звучали музыка и пение. А в центре всего этого - Егор Николаевич - поэт, остряк, музыкант. Вечера в Хлебном переулке и квартиру, где они происходили, так и называли "оболдуевкой" или "оболдуевщиной".

В тридцатые годы Оболдуев живет в Карелии. Он работает дирижером и концертмейстером, группирует вокруг себя талантливую молодежь, ездит с концертными бригадами по районам, под псевдонимом "Ю. Бегаев" сотрудничает в местной газете.

Отечественная война. Фронт. Солдат Егор Оболдуев - разведчик в 336-м отдельном разведывательном противотанковом дивизионе.

В августе 1945 года Егор Николаевич демобилизуется.

В 1952 году у поэта обостряется гипертоническая болезнь, появившаяся как следствие тяжелой контузии, полученной на фронте. После двухлетней изнурительной болезни, 27 августа 1954 года, Е.Н. Оболдуев умер в Голицыне, под Москвой, где и похоронен."

Через десять лет Лев Озеров добавляет к этой информации несколько более личных воспоминаний и замечаний: "Я знал его строки: "Розе и левкою понять нелегко, что это такое роза да левкой". И еще один неожиданный зачин: "Нелюдимо наше горе" (вместо хрестоматийного языковского - "море"). Это запомнилось с чужого голоса. В Голицыне я познакомился с автором этих строк

Георгием Николаевичем Оболдуевым, человеком высококультурным и zelo язвительным.

Он был подвижен, любезен, лис (ловко снимал и сверху набрасывал на голову свою тюбетечку), добр к людям, а того более - к животным. Котóв именовал, как императоров: Буздрик Первый, Буздрик Третий, сын Буздрика Второго.

Он был, что называется, мастер на все руки. Особенно это чувствовалось, когда он садился за пианино. Играл уверенно, словно именно это было его главным призванием. Но так же он играл и в шахматы. Что-то искрометное, пуншное, лукавое, заводное, вспльчивое, взыскующее жило в этом человеке. В беседе он был легок и неотразим. Лишь немногие знали о нем как о блестящем поэте."

Озеров заканчивает свои воспоминания словами: "... Тогда, в тот вечер, мы долго-долго бродили по влажному подлеску и говорили на самую увлекательную в мире тему - о русской поэзии, в которой - я думаю теперь - есть место и для Георгия Оболдуева, поэта еще не прочитанного и не оцененного."

Выражая свою благодарность тем научным работникам, которые составили этот сборник стихотворений и привели библиографию - А. Терезину и О. Последовичу, я надеюсь, что благодаря этому изданию Г. Оболдуев наконец-то перестанет быть только "подпольным", "самиздатовским" русским поэтом и что когда-нибудь появится издание его произведений и на родине.

Wolfgang Kasack

СОДЕРЖАНИЕ

Судьба подпольной поэзии Георгия Оболдуева	
Предисловие А.Н. Терезина	3
Людское обозрение /Стихи 1930 - 1935/	11
§§ 1, 2, 3, 4. <i>Радуйтесь, хоть и не долго вам жить</i>	12
§§ 1, 2, 3, 4. <i>"Я, де, мол, старательно расчерчу</i>	12
§§ 1, 2, 3, 4. <i>Мы не из той породы, что склонна</i>	14
§§ 1, 2, 3, 4. <i>Рабочий, интеллигент, крестьянин</i>	14
§ 5. <i>По полю идет молодой человек</i>	15
§ 6. <i>Хочется дышать ей</i>	15
§ 7. <i>Она жавет на доходы мура</i>	16
§ 8. <i>Добела раздувая небеса</i>	16
§ 9. <i>Опять подстроичным примечаньем</i>	18
§ 10. <i>Конь волочит машинку для стрижки лугов</i>	18
§ 11. <i>Что качаешь, цветик</i>	18
§ 12. <i>Утро весеннее вспыхивает</i>	19
§ 13. <i>Распилен лес</i>	19
§ 14. <i>Точно речка в море</i>	20
§ 15. <i>Мимо речки, стянутой к затылку</i>	20
§ 16. <i>Станция, вокзал, полустанок, разъезд</i>	20
§ 17. <i>Поза, принятая с прощанья</i>	21
§ 18. <i>В матрасном избытке</i>	21
§ 19. <i>Потягиваются, давая осечки</i>	22
§ 20. <i>Храня величественно</i>	22
§ 21. <i>Дальше, больше, дальше, крепче</i>	22
§ 22. <i>Нежный сигнал мокрого раска</i>	22
§ 23. <i>Еще нагибаются ветви</i>	23
§ 26. <i>Осенний вечер шитит, как содовый</i>	24
§ 27. <i>Житель города - морской</i>	25
§ 28. <i>Хлев наш насыщенный</i>	25
§ 29. <i>Сто голов</i>	25
§ 30. <i>Простуженная всеми студнями</i>	26
§ 31. <i>При нашем скуденном жалбе</i>	26
§ 32. <i>Носоглазенькая лапочка</i>	26
§ 33. <i>Он длился</i>	27

§ 34. <i>Никогда этого не слышано, чтоб ты</i>	27
§ 35. <i>Уж слышу: Свистящее тремоло</i>	27
§ 36. <i>Он мало понимал, и жал</i>	28
§ 37. <i>Так пусть же</i>	28
§ 38. <i>Разнесло рассветное небо</i>	28
Уравнение с двумя известными	29
Внутренности. 1.	31
Обычное право	32
Внутренности. 2.	33
Кантата	34
Романс	37
Несколько глотков	38
Впроголодь	40
Поэтическое обозрение	41
1. <i>По своему небу</i>	41
2. <i>Будь добр, напиши, потому что</i>	41
3. <i>Оврага склон облит</i>	42
4. <i>Паровоз ядовито сидит и,</i>	42
5. <i>Осень - дневная, румяная, спелая</i>	43
6. <i>Я выехал. Лето ветром</i>	44
7. <i>Симпатично функционировал</i>	44
8. <i>Старое полнокровное солнце</i>	45
9. <i>Доскональней, чем жизнь моя</i>	45
10. <i>Следует красноречье о том, что</i>	46
11. <i>Тя пахнешь апельсиновой цедрой, миндалем</i>	46
12. <i>Обладательница контроля</i>	47
13. <i>Меня на склоне пылкости постигло</i>	48
14. <i>Пока она убежала, пока я</i>	48
15. <i>Мы шли покупать черную смородину</i>	49
16. <i>Пруд приподнят над</i>	49
17. <i>Прощай, газовая вонючка</i>	50
18. <i>Ротастые бездельница</i>	50
19. <i>Куда ни кинь</i>	51
20. <i>Наши слова и двоянья</i>	52
21. <i>В трауром отороченные дни</i>	53
22. <i>Было темно, как в</i>	54

Мысли до ветру /В 30 цитатах/ Заключение для четырех обозрений	55
Цит. 1. <i>Какая мораль</i>	55
Цит. 2. <i>Не целуй моих глаз, Эвридика</i>	55
Цит. 3. <i>Великолепно равнодушен</i>	56
Цит. 4. <i>Она его смерила взглядом</i>	56
Цит. 5. <i>Тогда гуляли мы с тобой</i>	56
Цит. 6. <i>Читатели и писатели</i>	57
Цит. 7. <i>Янтарный голосок луны</i>	58
Цит. 8. <i>Последние годы</i>	58
Цит. 9. <i>Мимо милого туземца</i>	60
Цит. 10. <i>Нас нравственность одолела</i>	60
Цит. 11. <i>Наши дешовенький, ненадеванный романтизм</i>	62
Цит. 12. <i>На облачном берегу</i>	62
Цит. 13. <i>Ряд рецензий</i>	63
Цит. 14. <i>Паровоз клячил станцию поезду</i>	65
Цит. 15. <i>Ну, да</i>	65
Цит. 16. <i>Имитацией риданья, перешедшего в рев</i>	66
Цит. 17. <i>Эх, смоковница тополя у речки</i>	67
Цит. 18. <i>Может быть, вшии предки</i>	67
Цит. 19. <i>Поэзия - сопоставление</i>	67
Цит. 20. <i>Точно кошолка под осину</i>	68
Цит. 21. <i>Глазами обжасиваю свет</i>	69
Цит. 22. <i>Откапый бензином</i>	70
Цит. 23. <i>Месяц, стеклянным светом</i>	71
Цит. 24. <i>Сейчас, т.е. пока</i>	71
Цит. 25. <i>Она гигроскопична, как волосы</i>	72
Цит. 26. <i>Фиалок погасивай букетик</i>	73
Цит. 27. <i>Лезят передо мной край Москвы</i>	74
Цит. 28. <i>Жил-был на посполитом свете</i>	74
Цит. 29. <i>Там было так. Совсем другая</i>	74
Цит. 30. <i>Во сне бряцали звуки</i>	75
Треугольник	77
1. <i>Роскошен и лишнь, как палец</i>	77
2. <i>Я расплескан и пролит</i>	77
3. <i>Посеет ловкость кривотолка</i>	77

Устойчивое неравновесье	79
1. Один однажды шел домой	79
2. Это, как обыкновенно, граждане	79
3. На берегательное дало	80
4. Никогда. Нигде. Ниче	80
5. Трудов прокислая овчина	81
6. От повелительных павлинов	82
7. Деревья, напряженные, как птицы	82
8. Он на диалекте чолки	82
9. Мне ни вдруг, ни исподтишка	83
10. Обиженная обида	83
11. В средствах оправдательной цели	84
12. Она его любила	84
13. Пылая прокусанный лучом негатив	85
14. Как смертельная свирель	86
15. Не покидая тенистых	87
16. Паяй слепую плавь	87
17. Поверим мы или не поверим	87
18. Вы думаете, чудеса, милсдари	88
19. Мне не по воли королевство	88
20. Он знал этих цит сладкоглазых	88
21. Я лежу, хожу, играю	89
22. Я вижу солнечную воду	90
23. Твою девченку мотыльчью	90
24. Девушки гуржовали	91
25. Шел я ночью полевой	92
26. Я догорал на часах	92
27. Я вшел к пушистому сосняку	93
28. Действительно, в советской действительности	94
29. Рядом зали гипнотические сеансы	94
30. Я ночью чуть не в слезы утирался	96
31. На клумбе тихо процветали	96
32. Проснулся я ночью	97
33. Всяк по-своему капризен	97
34. Я брел по свету впуклого дня	98
35. После единогласной фуги	99

Для детей	101
1. <i>Я осторожно вел стихи</i>	101
2. <i>Одушевлять на кой нам</i>	102
3. <i>Я не томился, не страдал</i>	103
4. <i>Шелестит колючий лес</i>	103
5. <i>Ржал в траве кузнечик</i>	104
6. <i>Город взвален долгим вечером</i>	105
7. <i>Высокий мир наук</i>	106
8. <i>Не поповская начинка</i>	106
9. <i>- Петухи режут, - Ничего подобного</i>	107
10. <i>Живые люди вряд ли дрогнут</i>	108
11. <i>Ветра горные синкопы</i>	109
Живописное обозрение /Стихи 1923 - 1934/	111
<i>С опушки сада</i>	112
<i>В гробу</i>	113
<i>Очистительная агитка</i>	115
<i>Вечер, посвященный Баху</i>	117
<i>Пока бьет холодная вода глаз</i>	119
<i>На берег из папье-маше</i>	120
<i>Серела пахучая пиль цветущей ржи</i>	121
Э. Гофман	122
<i>Когда, чорт его знает откуда</i>	123
Сергей Прокофьев	124
<i>Тя льешься, прелесть моя, свинцовое</i>	125
Живописное обозрение	126
Н. Э. Р.	133
Дуэт	134
Миловид /Бельвю/	135
Музыкальное обозрение	137
1. <i>Солнце порхает по галерке</i>	137
2. <i>Дирижер вползает, как огонь</i>	139
Урок контрапункта /Иллюстрация к "Музыкальному обозрению"/	141
Живая картина	143
<i>Вот так октябрюта, брята</i>	145

Устойчивое неравновесье /Стихи 1947 - 1949/	147
Обратно	148
Медалью	149
Похоронка	150
Язык	151
Свидетелю	152
Русская песня	153
Филин	156
Птенчик	157
Нелюдимо	158
Отставший	159
Примечание к орфографии текстов	162
Библиография	163
Послесловие В. Казака	165

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

- 1 Sabine Appel: Jurij Oleša. "Zavist'" und "Zagovor čuvstv". Ein Vergleich des Romans mit seiner dramatisierten Fassung. 1973. 234 S. DM 24.-
- 2 Renate Menge-Verbeeck: Nullsuffix und Nullsuffigierung im Russischen. Zur Theorie der Wortbildung. 1973. IV, 178 S. DM 18.-
- 3 Jozef Mistrík: Exakte Typologie von Texten. 1973. 157 S. DM 18.-
- 4 Andrea Hermann: Zum Deutschlandbild der nichtmarxistischen Sozialisten. Analyse der Zeitschrift "Russkoe Bogatstvo" von 1880 bis 1904. 1974. 198 S. DM 20.-
- 5 Aleksandr Vvedenskij: Izbrannoe. Herausgegeben und eingeleitet von Wolfgang Kasack. 1974. 116 S. DM 15.-
- 6 Volker Levin: Das Groteske in Michail Bulgakovs Prosa mit einem Exkurs zu A. Sinjavskij. 1975. 158 S. DM 18.-
- 7 Геннадий Айги: Стихи 1954 - 1971. Редакция и вступительная статья В. Казака. 1975. 214 S. DM 20.-
- 8 Владимир Казаков: Ошибка живых. Роман. 1976. 201 S. DM 20.-
- 9 Hans-Joachim Dreyer: Petr Veršigora. "Ljudi s čistoju sovest'ju". Veränderungen eines Partisanenromans unter dem Einfluß der Politik. 1976. 101 S. DM 15.-
- 10 Николай Эрдман: Мандат. Пьеса в трех действиях. Редакция и вступительная статья В. Казака. 1976. 109 S. DM 15.-
- 11 Karl-Dieter van Ackern: Bulat Okudžava und die kritische Literatur über den Krieg. 1976. 196 S. DM 20.-
- 12 Михаил Булгаков: Ранняя неизданная проза. Составление и предисловие Ф. Левина. 1976. 215 S. DM 24.-
- 13 Eva-Marie Fiedler-Stolz: Ol'ga Berggol's. Aspekte ihres lyrischen Werkes. 1977. 207 S. DM 20.-
- 14 Christine Scholle: Das Duell in der russischen Literatur. Wandlungen und Verfall eines Ritus. 1977. 194 S. DM 20.-

M ü n c h e n · Verlag O t t o S a g n e r in Kommission

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

- 15 Aleksandr Vvedenskij: Minin i Požarskij. Herausgegeben von Felix Philipp Ingold. Vorwort von Bertram Müller. 1978. 49 S. DM 8.-
- 16 Irmgard Lorenz: Russische Jagdterminologie. Analyse des Sprachgebrauchs der Jäger. 1978. 558 S. DM 60.-
- 17 Владимир Казаков: Случайный воин. Стихотворения 1961 - 1976. Поэмы. Драммы. Очерк >Зудесник<. 1978. 214 S. DM 24.-
- 18 Angela Martini: Erzähltechniken Leonid Nikolaevič Andreevs. 1978. 322 S. DM 30.-
- 19 Bertram Müller: Absurde Literatur in Rußland. Entstehung und Entwicklung. 1978. 210 S. DM 24.-
- 20 Михаил Булгаков: Ранняя несобранная проза. Составление Ф. Левина и Л.В. Светина. Предисловие Ф. Левина. 1978. 250 S. DM 30.-
- 21 Die Russische Orthodoxe Kirche in der Gegenwart. Beiträge zu einem Symposium der Deutschen Gesellschaft für Osteuropakunde. Herausgegeben von Wolfgang Kasack. 1979. 86 S. DM 10.-
- 22 Георгий Оболдуев: Устойчивое неравновесье. Стихи 1923 - 1949. Составление и подготовка текста А.Н. Терезина. 1979. 176 S. DM 20.-

Bayerische
Staatsbibliothek
München

M ü n c h e n . Verlag O t t o S a g n e r in Kommission